

КЪ 150-ЛѢТІЮ СМОЛЬНАГО ИНСТИТУТА.

Ольга Николаевна Скобелева, рожд. Полтавцева, мать народнаго героя—„Бѣлаго генерала" Михаила Дмитріевича Скобелева. Воспитанница Смольнаго института.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

№ 14-15. ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ. 1 АВГУСТА 1914 г.

МАРСОВО ПОЛЕ ВЪ 50—60 ГОДАХЪ.

Со старинной литографіи.

„Печ. въ Лит. В. Тимма."

Подъ литографіей подпись:
„Гулянье на Царицыномъ Лугу, въ С.-Петербургѣ, въ день совершеннолѣтія Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника и Великаго Князя Николая Александровича 8-го сент. 1859 г.".

„СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ“.

„**Проспектъ Каменнаго острова на малой Невкѣ,** близъ С.-Петербурга, принадлежащаго Ея Сіятельству Графинѣ Бестужевой-Рюминой, урожденной Графинѣ освященной Римской имперіи Беттингеровой Гофмейстеринѣ двора Ея Императорскаго Величества Всероссійской“.

Гравюра Махаева. Собственность музея „Старый Петербургъ“.

КАМЕННЫЙ ОСТРОВЪ.

Въ бѣлую, свѣтлую ночь, 4-го іюня 1705 года, неслышно скользили по гладкой зеркальной поверхности Большой Невки одна за другою лодки (камеръ-фурьерскій журналъ 1705 г., стр. 22). Съ шведскаго берега, отъ деревни Каменный Носъ (нынѣ Старая деревня), переправлялась на Kirsaari (Каменный островъ) многочисленная армія генерала Манделя, который, быстрымъ, энергичнымъ ударомъ, хотѣлъ выгнать изъ маленькой крѣпости, только что построенной на Enisaari (Заячій островъ), незванныхъ пришельцевъ въ Ингерманландію—русскихъ...

Но шведы были сбиты и, удаляясь съ Каменнаго острова, въ безсильной злобѣ, раззорили сожгли три маленькія чухонскія деревушки, испоконь вѣка, еще при шведскомъ владычествѣ, пріютившіяся на этомъ островѣ. Изчезало старое—должно было появиться новое. Kirsaari должно было замѣниться Каменнымъ островомъ. И первымъ русскимъ владѣльцемъ этого острова былъ первый русскій государственный канцлеръ, первый президентъ иностранной коллегіи, графъ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ, родственникъ Наталіи Кирилловны Нарышкиной, матери Петра Великаго.

Въ 1704 году Головкинъ получилъ, по изустному повелѣнію Петра Великаго, въ вѣчное и потомственное владѣніе Каменный островъ. Получивъ въ свое владѣніе Каменный островъ, графъ Головкинъ едва ли сдѣлалъ многое для его благоустройства: первый канцлеръ Россійской Имперіи былъ очень скупъ. Въ одной изъ комнатъ его дворца въ Петербургѣ висѣлъ, какъ украшеніе, длинный бѣлокурый парикъ. Канцлеръ принялъ этотъ подарокъ, привезенный ему изъ за-границы его сыномъ, но изъ-за скулости, изъ-за боязни, что такая дорогая вещь можетъ испортиться, никогда не надѣвалъ этого парика, а повѣсилъ его на стѣну. Обычнымъ нарядомъ канцлера,—одѣвался онъ, писалъ въ своемъ дневникѣ Берхгольцъ, всегда, какъ нельзя хуже,—былъ старомодный коричневый кафтанъ. Весьма понятно, что при такой скупости графъ Головкинъ не обращалъ особаго вниманія на царскій подарокъ,—данную на это свое владѣніе графъ Головкинъ получилъ уже послѣ смерти Петра Великаго 27-го октября 1727 года болѣе, чѣмъ вѣроятно, на самомъ высокомъ мѣстѣ этого острова, тамъ, гдѣ теперь Каменноостровскій дворецъ, былъ выстроенъ небольшой деревянный домъ, носившій, впрочемъ, громкое названіе „дворца государственнаго канцлера“, въ густомъ лѣсу было пробито нѣсколько просѣкъ и проведена дорога внизъ по Малой Невкѣ, чтобы удобнѣе было проѣзжать на Крестовскій островъ, въ то время владѣніе любимой сестры Петра Великаго, царевны Наталіи Алексѣевны. Быть можетъ, канцлеръ не сдѣлалъ бы и этихъ расходовъ, но онъ зналъ, что, неожиданно, негаданно, можетъ на островъ заѣхать царь, чтобы посмотрѣть, какое употребленіе изъ царскаго подарка сдѣлалъ его любимецъ. И, дѣйствительно, въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ подъ 18-мъ ноябремъ 1715 г. записано: „Его Величество на Каменномъ острову у канцлера Гаврилы Головкина“. Преданіе связываетъ съ этимъ посѣщеніемъ посадку Петромъ Великимъ дуба на томъ мѣстѣ, гдѣ скрещиваются дороги съ Крестовскаго острова и Каменнаго. Этотъ дубъ существуетъ и по днесь. Дубъ въ настоящее время окруженъ желѣзною рѣшеткою, когда-то вокругъ этого дуба висѣли чугунныя цѣпи, укрѣпленныя на гранитныхъ столбикахъ, послѣдніе существуетъ и теперь, а цѣпи давнымъ давно исчезли.

Портретъ канцлера Головкина.

Но едва ли этотъ дубъ былъ посаженъ Петромъ Великимъ, нужно думать, что онъ выросъ гораздо раньше. Дѣло въ томъ, что Петръ Великій очень заботился о сохраненіи дубовъ, каждый петербургскій обыватель, если на его участкѣ случайно оказывался дубъ, не имѣлъ права его срубить, а долженъ былъ огородить изгородью. И, вѣроятно, что во время прогулки Петръ Великій обратилъ вниманіе на этотъ могучій, развѣсистый дубъ, а, можетъ быть, и самъ канцлеръ, замѣтивъ его раньше и желая сдѣлать пріятное царю, велѣлъ прочистить около него просѣку, чтобы онъ выдѣлялся и былъ замѣченъ.

Графъ Г. И. Головкинъ (1660—1734 г.) благополучно продержался, искусно лавируя, у кормила власти въ теченіе трехъ царствованій, но не такъ счастливъ былъ его сынъ, вице-канцлеръ графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ, ближній сторонникъ принцессы Анны Леопольдовны, которой онъ совѣтывалъ объявить себя Императрицею.

Государственный переворотъ 1741 г. привелъ графа сперва въ тюрьму, затѣмъ къ эшафоту на Сенатскую площадь и, наконецъ, въ ссылку въ Чермангъ, такъ звалось пустынное зимовье Якутской области.

Когда судьи назначили бывшему вице-канцлеру мѣсто ссылки, то кто-то изъ судей поинтересовался узнать, да гдѣ же находится это зимовье Якутской области? Стали наводить справки и оказалось, что ни сами судьи, никто, изъ власть имущихъ въ Петербургѣ, не зналъ точно мѣстоположенія зимовья: гдѣ-то тамъ, далеко на сѣверѣ, якутскій комендантъ долженъ знать... Графъ М. Г. Головкинъ былъ женатъ на Екатеринѣ Ивановнѣ Рамодановской, единственной внучкѣ „его высочества князя кесаря Петра Великаго“.

Императрица Елисавета Петровна, утвердивъ приговоръ, послала сказать женѣ Головкина, что „непричастная къ преступле-

ніямъ мужа, она сохраняетъ званіе статсъ-дамы, остается при всѣхъ своихъ правахъ и можетъ ими пользоваться, гдѣ и какъ угодно".

Но Екатерина Ивановна дала достойный отвѣтъ: „Любила мужа въ счастіи, люблю его и въ несчастіи, и одной милости прошу, чтобы съ нимъ быть неразлучно".

Эта милость была дарована, и графиня поѣхала вмѣстѣ съ мужемъ въ неизвѣстный Чермангъ, прожила тамъ 14 лѣтъ и не только не позволила себѣ за эти долгіе 14 лѣтъ заплакать при мужѣ, но послѣдній не слыхалъ отъ нея ни одной жалобы, ни одного слова укоризны.

Быть можетъ, когда Пушкинъ творилъ свою Татьяну Ларину, предъ нимъ виталъ глубоко-поэтическій, величавый образъ графини Головкиной...

* * *

„Проспектъ Саду съ сѣверной стороны при загородномъ домѣ на Каменномъ острову".

(Со старинной литографіи).

Каменный островъ вмѣстѣ съ остальнымъ имуществомъ графа Головкина былъ конфискованъ, а затѣмъ Елизавета Петровна подарила его своей родственницѣ Аннѣ Карловнѣ Скавронской, или какъ тогда говорили „графинѣ освященной Римской Имперіи Беттигеровой гофмейстеринѣ двора Ея Императорскаго Величества Всероссійской" (такая надпись находится подъ однимъ изъ проспектовъ Каменнаго острова, помѣщенныхъ въ началѣ нашей статьи). Графиня Анна Карловна Скавронская, выйдя замужъ за графа Бестужева, тоже канцлера Россійской Имперіи, принесла ему въ приданное Каменный островъ.

Въ 1751—1753 годахъ Императорская Академія Наукъ, по повелѣнію Елизаветы Петровны, приступила къ составленію большого, такъ называемаго, „перспективнаго плана столичнаго города С.-Петербурга". Вмѣстѣ съ этимъ планомъ были выпущены и „проспекты", т. е. виды Петербурга: Зимній дворецъ, набережная Невы и т. д. И планъ, и эти виды петербуржцы могли обозрѣвать на бывшей въ 1912 году „Елизаветинской выставкѣ".

Хорошій примѣръ, говорятъ, заразителенъ, и всесильный въ то время канцлеръ графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ рѣшилъ послѣдовать этому примѣру. Онъ поручилъ извѣстному тогда академику Я. Я. Штелину заняться составленіемъ такихъ проспектовъ принадлежащаго ему Каменнаго острова. Проспекты составлялись спѣшно. 7-го октября 1753 года Штелинъ требовалъ, чтобы Академія Наукъ тотчасъ отпустила къ нему, Штелину, рисовальнаго подмастерья Махаева съ перспективными инструментами.

„Да надобна, писалъ Штелинъ въ своемъ отношеніи къ Академіи Наукъ, шлюпка, чтобы на ней немедленно къ Каменному острову идти и требуемые проспекты выбравъ, назначить и приказать оныя снять подмастерью Махаеву".

Портретъ графа А. П. Бестужева-Рюмина.

Штелинъ особенно торопилъ шлюпкою, указывая, что время осеннее и скоро можетъ появиться ледъ. Такимъ образомъ, Махаевъ снималъ проспекты въ октябрѣ мѣсяцѣ, какъ въ это время снимать виды въ Петербургѣ, художники могутъ хорошо судить сами. Мы подчеркиваемъ это обстоятельство потому, что хотимъ указать, какъ осторожно надо относиться къ гравюрамъ XVIII вѣка: въ нихъ слишкомъ много фантазіи.

По этимъ проспектамъ мы видимъ, что дворецъ канцлера Бестужева помѣщался тамъ же (конечно, приблизительно), гдѣ теперь Каменноостровскій дворецъ, т. е. на мысѣ, образуемомъ Малою Невкою при ея исходѣ изъ Большой Невки. На берегу, должно быть у пристани, стояла полукруглая галлерея, на срединныхъ воротахъ которой, къ сторонѣ Невки, была надпись: „Для всѣхъ честныхъ людей. Für alle ehrbare Leute. Pour toutes les honnetes Gens". Самый дворецъ состоялъ изъ двухъ зданій, соединенныхъ между собою болѣе высокой галлереею, въ срединной части которой возвышалась башня. Въ саду были двѣ бесѣдки; а на берегу Невки довольно большой одноэтажный флигель, по всей вѣроятности, службы и кухня—густой дымъ, выходящій изъ трубы этого флигеля (см. гравюра „Проспектъ Саду съ сѣверной стороны"), какъ бы символически или „эмблематически", какъ говорили въ то время, долженъ указывать, что здѣсь готовились „обильныя яства" для многочисленныхъ гостей.

Конечно, мы должны были бы вѣрить этимъ гравюрамъ, если бы опять не одно, случайное, превходящее обстоятельство—въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны Бестужева постигла опала: онъ былъ лишенъ всѣхъ чиновъ и ему было велѣно ѣхать въ ссылку въ свою деревню. Но эта ссылка, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, не сопровождалась конфискаціей имущества, оно осталось за Бестужевымъ, который, не имѣя возможности пользоваться самъ, сталъ его сдавать, помѣщая объявленія о сдачѣ въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ".

„Vue de l'amphitéatre pour la Promenade Publique à l'isle Kamennoi Ostrow".

(Со старинной литографіи).

Изъ текста воспроизводимаго ниже объявленія, а также изъ другихъ подобныхъ объявленій, можно почерпнуть нѣкоторыя поясненія къ нашимъ гравюрамъ. Очевидно, башня (въ лѣвой части верхней гравюры) представляетъ собою „билліардный домъ съ 6 каморами, обитый бумажными обоями". Что подразумѣвалось подъ „коморой фортуна", мы, къ сожалѣнію, не можемъ объяснить.

Садъ на Каменномъ островѣ былъ не только увеселительный, но и хозяйственный: „на Каменномъ острову", читаемъ мы въ объявленіи отъ 1-го іюня 1761 года, „желающіе взять въ наемъ въ годы спаржу, красную, бѣлую, черную смородину, шпанскую землянику, клубнику, крыжовникъ, банбарисъ

(барбарисъ), малину, вишни, груши и яблони, также и огородныя земли, могутъ явиться въ домъ бывшаго канцлера".

* * *

Вступила на престолъ Императрица Екатерина II. Алексѣй Петровичъ Бестужевъ былъ не только прощенъ, не только возстановленъ во всѣхъ своихъ правахъ и преимуществахъ, но и реабилитированъ особо изданнымъ Императрицею Екатериною II манифестомъ, однако, во владѣнія Каменнымъ островомъ не вступилъ, островъ былъ взятъ за долги Бестужева и въ 1763 году подаренъ наслѣднику престола, Великому Князю Павлу Петровичу.

Подъ 1-мъ октябремъ 1765 года въ запискахъ Семена Порошина, воспитателя Павла I, записано:

„Обѣдали у насъ изъ постороннихъ кн. Петръ Васильевичъ Хованскій и выѣзжій недавно изъ Франціи русскій архитекторъ Баженовъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ (гр. Панинъ) разговаривалъ съ нимъ во время стола о строеніяхъ. Послѣ обѣда послалъ ихъ на Каменный островъ осмотрѣть вмѣстѣ, какъ бы тамъ зачать строеніе". Отсюда видно, что Каменноостровскій дворецъ былъ заложенъ не ранѣе осени 1766 года.

Строился дворецъ, какъ строились вообще въ то время зданія, очень долго, цѣлыхъ 9 лѣтъ и былъ законченъ къ 1775 году.

Дворецъ этотъ не могъ быть названъ большимъ, въ немъ всего было до 30-ти комнатъ. Внутреннее расположеніе дворца измѣнялось неоднократно, но свой наружный видъ, на первый взглядъ строго классическій, дворецъ сохранилъ до нашихъ дней. Вообще дворецъ очень простой. Императрица Екатерина II не особенно баловала своего наслѣдника Павла Петровича, который, видимо, и не любилъ этого дворца, и рѣдко его посѣщалъ.

Кромѣ дворца, на Каменномъ островѣ есть двѣ постройки, вполнѣ напоминающія намъ еще не вполнѣ разъясненный обликъ Императора Павла I. Мы подразумѣваемъ инвалидный домъ Императора Павла I и стоящую напротивъ него церковь въ честь Рождества Іоанна Предтечи. Первый былъ заложенъ 17-го мая 1776 года, а вторая освящена 24-го іюня 1778 года.

Въ загородномъ домѣ бывшаго Канцлера бестужева Рюмина на Каменномъ острову, отдается въ наемъ въ годы для трактиру домъ биліарной съ шестью каморами обитыми бумажными обоями и въ округѣ онаго галлерея, залъ большой, полуцыркульная галлерея, при ней четыре каморы, фортуна и кегли, также и совсѣми къ дому принадлежащими строеніи и угодьями; ежели кто пожелаетъ нанять, тѣбъ явились въ каменномъ домѣ бестужева-Рюмина, что близь церкви Исакія Далмацкаго, у Маіора Данила бернера.

Текстъ объявленія „С.-Пет. Вѣд." 1761 г. 16-го января, № 5.

Павелъ Петровичъ заложилъ инвалидный домъ для моряковъ по своему званію генералъ-адмирала; Церковь Іоанна Предтечи позволяетъ намъ предъугадать будущаго Императора Всероссійскаго, берущаго подъ свое покровительство Мальтійскій орденъ.

Въ недолгіе дни своего царствованія Павелъ обнаружилъ заботу о Каменномъ островѣ только постройкою плошкаутныхъ (т. е. на баркахъ) мостовъ, соединяющихъ Каменный островъ съ Аптекарскимъ и съ Новою Деревнею. Мосты были устроены въ 1798 г., а въ слѣдующемъ, 1799 году, содержаніе ихъ было передано въ вѣдѣніе городского управленія.

Послѣ смерти Императора Павла Петровича Каменноостровскій дворецъ нѣкоторое время пустовалъ, но затѣмъ его полюбилъ Александръ I, который проводилъ здѣсь не только лѣтнее время, но жилъ по долгу и зимою.

Въ 1811 г., когда назрѣвала война съ Наполеономъ, французскій посолъ поселился въ дачѣ князя Куракина (нынѣ Ратькова-Рожнова) напротивъ Каменоостровскаго дворца и, такимъ образомъ, сидя у себя въ кабинетѣ или гуляя по саду, французскій посолъ могъ свободно наблюдать за всѣмъ, что происходило въ Каменноостровскомъ дворцѣ, гдѣ въ то время имѣлъ пребываніе Александръ I. Очень недолго, съ 9-го января 1826 года по 27-е марта того же года, дворцомъ владѣла Императрица Елизавета Алексѣевна, послѣ смерти которой дворецъ и Каменный островъ были пожалованы Великому Князю Михаилу Павловичу.

Такова исторія дворца и Каменнаго острова, укажемъ еще, что въ 1823—1826 гг. приводился въ исполненіе проектъ инженера А. Готмана по осушкѣ острова: были прорыты каналы, пруды, устроена цѣлая сѣть водостоковъ. Въ настоящее время большинство этихъ сооруженій нуждается не только въ ремонтѣ, но и въ полномъ возобновленіи.

Къ сожалѣнію, не сохранилось изображенія первоначальнаго дворца, и мы помѣщаемъ три снимка болѣе поздняго времени.

* * *

Не успѣли закончить постройку дворца, какъ на Каменный островъ переселился предпріимчивый трактирщикъ, который на-

Видъ Каменноостровскаго дворца въ концѣ XVIII вѣка.

Гравюра начала XIX в.

дѣялся, что петербуржцы пожелаютъ наслаждаться воздухомъ, а послѣ прогулки захотятъ завернуть и къ нему. Но, очевидно, посѣтителей было не много, и трактирщикъ рѣшилъ завлекать ихъ къ себѣ. Для этого онъ въ своемъ трактирѣ началъ устраивать лотереи. Такъ въ 1767 году въ трактирѣ „манежная лошадь цѣною въ 300 рублей, которой отъ роду семь лѣтъ, проиграна быть имѣетъ. Каждый билетъ будетъ по два рубля“; затѣмъ разыгрывались „въ кости клависсоны, ставка по 1 рублю“, (кла-виссоны — родоначальникъ нынѣшнихъ піанино и фортепіано), „перстень съ брилліантами, оцѣненный въ 150 рублей“, „лошадь съ дрожками на рессорахъ, ставка по 2 р. 50 к.“ и, наконецъ, „натуральная трость въ 42 дюйма длины, ставка по 1 рублю“. Что представляла изъ себя „натуральная трость“, мы не знаемъ, но, видимо, „натуральныя трости“ были въ большой модѣ въ Петербургѣ, онѣ продавались и въ Гостинномъ дворѣ. Каждая такая лотерея сопровождалась баломъ, на который желающіе могли пріѣзжать „въ маскахъ и безъ оныхъ“. Входъ на балъ, если была лотерея, былъ безплатный, безъ лотереи цѣна входному билету колебалась отъ 1 р. до 2 р., причемъ за входъ платили только мужчины.

Расцвѣтъ увеселеній относится къ 1777—1778 гг. Въ это время трактирщикъ Гроттія, устроивъ новый „фоксалъ“, „ласкался, что всякъ найдетъ тамо къ собственному своему удовольствію по вкусу расположенныя украшенія, музыку и всякія другія забавы“.

И, дѣйствительно, m-r Гроттія былъ щедръ на выдумки: „около 11 часовъ вечера будетъ представленъ фейерверкъ совсѣмъ новаго изобрѣтенія, которой въ дѣйство производить будетъ иностранной фейерверкеръ, старающій о доставленіи себѣ похвалы отъ почтенной публики“. „Начнется оной фейерверкъ разными пирическими пiесами самаго новаго изображенія, воздушной огонь будетъ составленъ изъ великаго числа всякихъ потѣхъ, а кончится онъ щитомъ во весь театръ, который представляетъ великое украшеніе прекраснаго Венерѣ посвященнаго сада“.

„Веринъ садъ“ смѣнялся „Китайской декораціею со многими прозрачными картинами въ разноцвѣтномъ огнѣ“; вмѣсто „Китайской декораціи“ представлялся „новый фейерверкъ, который почтенной публикѣ не малое представитъ удовольствіе“ и, наконецъ, „покажется великолѣпная иллюминація по всему саду, а именно, два большія портика изъ дерна, составляющіе амфитеатръ и примыкающіеся къ подобному же театру, разсвѣчены будутъ вдали бѣлымъ огнемъ. Подъ сими портиками много будетъ столовъ, гдѣ со всякою удобностію ужинать можно“...

Увеселенія начинались около 6 часовъ вечера, „безпрерывно продолжающеюся разною музыкою“, затѣмъ „на сдѣланномъ изъ дерну театру иностранный танцовщикъ Соло по аглински танцовать будетъ“, а слѣдомъ „отиматическая фигура въ человѣческую величину по веревкѣ танцовать будетъ“ и, наконецъ, начнется „гимнастическое позорище“: „г. Германъ, агличанинъ, извѣстный искусствомъ своимъ въ гимнастикѣ, танцуетъ по веревкѣ разнымъ образомъ и производитъ равно на столѣ, какъ и на полу опасные скачки и, наконецъ, перескакиваетъ черезъ 12 человѣкъ, онъ ходитъ также на проволокѣ и вольтижируетъ; г. Бланкъ, славный механикъ, показываетъ въ залѣ многія своего изображенія штуки, подобныя Камусовымъ въ Парижѣ“.

Видъ Каменноостровскаго дворца въ началѣ 60-хъ годовъ XIX стол.

Снимокъ съ рисунка 1861 г.

Видъ Каменноостровскаго дворца въ началѣ XIX вѣка.

(Со старинной литографіи).

Церковь Рождества Іоанна Предтечи.

Фасадъ Каменноостровскаго дворца.

Снимки съ натуры фотогр. „Ст. и Ус.".

Инвалидный Императора Павла I домъ.

Катаніе съ горъ. (Со старинной литографіи).

„Montagnes russes“. Издавна этотъ національный способъ развлеченія былъ характернымъ и даже заграницей на балаганахъ ставили подобныя сооруженія. Въ Петербургѣ на Марсовомъ полѣ, еще не такъ давно на Адмиралтейскомъ проспектѣ (до разведенія здѣсь Александровскаго сада), въ числѣ прочихъ балагановъ, съ Вербнаго воскресенія и, особенно, на масляницу, открывались и „русскія горы“. Но на этомъ рисункѣ изображены собственно „горы“ простыя, т. е. одиночныя. Строили болѣе сложныя, когда съ одной горы переѣзжали на рядъ другихъ. Балаганы въ Петербургѣ постепенно вывелись изъ обычая... Только вербныя недѣли съ продажей коврижекъ остались до нашихъ дней отъ прежнихъ традицій. Общество охраны старины въ Россіи, по иниціативѣ бар. Н. Н. Врангеля, предполагаетъ въ нынѣшнемъ году (конечно, съ цѣлью увеличенія доходовъ на поддержку памятниковъ старины) устроить подобные балаганы; проектируютъ горы, балаганы, карусели и прочія развлеченія временъ Александра I и даже Екатерины.

Надо полагать, что петербуржцы оставались довольны этими лѣтними развлеченіями, а зимою были „сдѣланы для удовольствія пріѣзжающихъ ледяная гора, на которой всякъ безденежно забавляться можетъ, а по праздничнымъ днямъ и по воскресеніямъ слушать музыку. Для служителей отведенъ теплой покой, для тѣхъ, кои на дворѣ оставаться должны, будетъ раскладываемъ огонь“.

Пожаръ истребилъ воксалъ Гротти, и хотя впослѣдствіи на Каменномъ островѣ функціонировали не одинъ, а цѣлыхъ два трактира: Нѣмецкій и Французскій, но содержатели ихъ ограничивались маскарадами, балами да лотереями.

Приблизительно въ 70—80-хъ годахъ XVIII вѣка стали возникать и первыя дачи на Каменномъ островѣ по Малой Невкѣ: первую дачу построилъ здѣсь, какъ кажется, санкт-петербургскій оберъ-полицмейстеръ Николай Ивановичъ Чичеринъ, затѣмъ адмиралъ фонъ-Дезенъ. Эти дачи являлись небольшими усадьбами. Вотъ одно изъ описаній: „отдается въ наемъ домъ господской безъ мебелей и 2 флигеля, въ коихъ въ одномъ баня и людской большой покой, въ другомъ кухня и присѣншная, внутри двора конюшня на 6 стоилъ, два сарая каретныхъ, погребъ съ ледникомъ и нѣсколько для поклажи чулановъ. Позади двора пустое для огорода распаханное мѣсто и лѣсъ“. Но уже и въ то время, кромѣ такихъ хозяйственныхъ построекъ, воздвигали „выгодный своимъ положеніемъ и весьма изящный загородный домъ съ большимъ садомъ съ плодоносимыми деревьями“. Дачное строительство особенно усилилось въ десятыхъ годахъ XIX столѣтія, когда Александръ I сталъ проводить лѣто въ Каменноостровскомъ дворцѣ. Изображеніе одной изъ дачъ, сохранившейся до нашего времени, мы помѣщаемъ.

Дача графа Мордвинова.
(Фот. съ натуры для „Ст. и Ус.“).

Дальнѣйшимъ толчкомъ къ заселенію Каменнаго острова — было избраніе Императоромъ Николаемъ I Елагинскаго дворца своимъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ. Для двора и многочисленной знати, заселившей Каменный островъ, былъ построенъ въ 1827 году деревянный Каменноостровскій театръ.

Построенъ онъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, такая скорость постройки удивила петербуржца, и обозрѣватель театра „Сѣверной Пчелы“, попавъ въ первый разъ на представленіе въ этотъ театръ, излился въ патетическихъ похвалахъ и восклицаніяхъ.

Каменноостровскій театръ въ началѣ 60-хъ годовъ XIX столѣтія.

(Со старин. литографіи).

Былые „фоксалы" Екатериненскихъ временъ смѣнились театральными представленіями, здѣсь давались французскіе и русскіе спектакли, репертуаръ обыкновенно состоялъ изъ легкихъ водевилей, одноактныхъ пьесъ. Рядомъ съ театромъ скоро возникла и кофейня, въ которой засиживался петербуржецъ лѣтними бѣлыми ночами. Въ 1853 году кофейный домикъ былъ сломанъ, а вмѣсто него раскинута обширная палатка „со всѣми потребностями гастрономіи", какъ писали въ то время. Около палатки игралъ оркестръ музыки.

Каменный островъ еще сохранилъ характеръ парка, еще не вполнѣ исчезли вѣковыя деревья, но съ каждымъ годомъ строительная дѣятельность на немъ усиливается. Пройдетъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ и Каменный островъ соединится вполнѣ съ Петербургомъ и еще страннѣе, чѣмъ въ наше время, будетъ слышать ту фразу, которой мы начали нашъ очеркъ: „шведы сожгли на Каменномъ островѣ чухонскія деревушки".

П. Столпянскій.

Дубъ Петра Перваго.

(Снимокъ съ натуры фот. „Ст. и Ус.").

КЪ ИСТОРІИ КРѢПОСТНОГО ТЕАТРА ВЪ РОССІИ.

II.

НАРЫШКИНСКІЕ ПѢВЧІЕ.

Въ 1821 году Петербургъ очень веселился. Этому не мѣшали ни голодовка въ 5 южныхъ губерніяхъ, ни выступленіе гвардіи въ походъ, въ защиту Австріи, противъ Италіи. Петербургская хроника, хотя и обсуждала эти событія, но въ то же время отмѣчала и другія, болѣе пріятныя для столичнаго общества. На первомъ планѣ стояла придворная жизнь.

12-го октября, въ день рожденія Государя, состоялся на половинѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны балъ на 500 человѣкъ. Хроникеръ отмѣчалъ восторгъ публики отъ милостиваго пріема. „Конечно, ничто не можетъ сравниться съ сими празднествами, гдѣ все соединено для пораженія и удивленія, гдѣ улыбка Монархини разсѣивала неизъяснимую радость и торжество, гдѣ непринужденное веселье тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ уваженіе къ хозяйкѣ безпредѣльнѣе“. Аристократія не отставала отъ Двора. Въ тотъ же сезонъ были роскошные балы у графа Павла Андр. Шувалова, у оберъ-егерм. Д. Л. Нарышкина, у княгини Куракиной, у баварскаго министра гр. Брея и др.

Считалось моднымъ совершать прогулки за городъ, въ популярный Красный Кабачекъ, гдѣ на первой недѣлѣ Великаго поста набиралось достаточно много народа. „Въ сіи дни, замѣчалъ современникъ, выпивается здѣсь одного глинтвейна до семи тысячъ стакановъ“. По пути заѣзжали еще въ Красное Солнце (на 4 вер. по Петергофской дорогѣ) и въ Свеаборгъ (на 2-й вер.). „Въ обоихъ сихъ трактирахъ гремитъ музыка и веселыя нѣмочки кружатся въ вальсахъ, подъ голосъ любимой пѣсни: „Ach! du lieber Augustin!“

Въ самомъ Петербургѣ столичный обиходъ представлялъ также много занимательнаго. Въ эту зиму, напр., впервые въ Главномъ Штабѣ появилось газовое освѣщеніе. Новинка вызвала много толковъ, привлекла массу любопытныхъ. Особенно поразила всѣхъ люстра, висѣвшая въ круглой залѣ библіотеки. „Изображеніе сіе, отмѣчалъ тотъ же хроникеръ, имѣетъ поистинѣ нѣчто очаровательное, нѣчто волшебное!“ Успѣхъ газа дѣлилъ, съ одной стороны, примѣрный рудникъ въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ, съ другой — „три генія“ парижскаго механика Гастинье. Для изображенія рудника была искусственно насыпана гора, „изрытая подземными ходами, углубленіями и пещерами“. Въ этомъ видѣ она представляла взору учащагося „совершеннѣйшій образецъ природы“. Не менѣе хитрой была выдумка Гастинье, демонстрировавшаго своихъ геніевъ въ домѣ Крейтона. „Это есть усовершенствованная невидимка“, пояснялъ петербургскій обозрѣватель. „Геніи отвѣчаютъ на вопросы, играютъ квартетъ на трубахъ и пр. Они кажутся ни къ чему не дотрогивающимися и держащимися на облакахъ. Цѣна за входъ 5 р.“ *).

* * *

На этомъ пестромъ фонѣ столичной жизни, яркимъ пятномъ выдѣлялся домъ Нарышкина. Собственно Нарышкиныхъ въ Петербургѣ было трое: Александръ Львовичъ, его братъ Дмитрій и сынъ Кириллъ. Нельзя считать знаменитую Марію Антоновну Нарышкину, любимицу Императора Александра I, въ общественной жизни Петербурга принимавшую мало участія. Домъ Нарышкиныхъ на Исаакіевской площ. (нынѣ Мятлевой) и загородная дача на 11 верстѣ по Петергофскому шоссе привлекали въ ту пору всеобщее вниманіе. Въ числѣ другихъ вспоминаетъ о нихъ и Ѳ. Булгаринъ: „Никто не могъ съ необыкновенною простотою въ обхожденіи соединить такой благородный тонъ и самою фамильярностью внушить себѣ уваженіе, какъ Нарышкины. Александръ Львовичъ жилъ открыто: домъ его называли Аѳинами. Тутъ собиралось все умное и талантливое въ столицѣ, а между ними умъ хозяина разсыпался ежедневно искрами, которыя иногда обжигали глупую гордость и неумѣстное чванство, но, большей частью, возбуждали веселость“ *).

*) „Отеч. Зап.“, ч. 6, 357.

Эти Аѳины на лѣтнее время переводились ближе къ Морскому заливу, въ помѣстье, называвшееся Левендаль, въ просторѣчіи „Га! га!“ Говорили, что послѣднее названіе обязано Императрицѣ Екатеринѣ, посѣтившей однажды дачу и такимъ восклицаніемъ отмѣтившей свое восхищеніе. Еще въ 1794 году тамъ было, что посмотрѣть: „знатный жилой домъ помѣщался въ двухъ этажахъ, къ нему примыкалъ огромный садъ, заключавшійся въ увеселительномъ лѣсу въ Аглицкомъ вкусѣ, съ прудомъ, храмомъ, великолѣпнымъ китайскимъ мандариннымъ дворомъ, однимъ россійскимъ и однимъ голландскимъ крестьянскимъ дворомъ, жилищемъ пустынника, бесѣдками и пр.“; садъ былъ широко открытъ для публики. Доска, вывѣшенная при входѣ, приглашала городскихъ жителей пользоваться воздухомъ „для разогнанія мыслей и соблюденія здоровья“ **).

Личность самого Нарышкина была чрезвычайно оригинальная. О гостепріимствѣ его мы уже слышали. Соединяя въ себѣ привычки стараго барина съ обязанностями администратора (онъ долгое время управлялъ Императорскими театрами), А. Л. поневолѣ принималъ много народа и жилъ выше средствъ. О его хроническомъ безденежьѣ ходило много забавныхъ анекдотовъ. Одинъ Нарышкинскій балъ посѣтилъ Императоръ Александръ Павловичъ. На вопросъ Государя, во что обошелся ему праздникъ, А. Л., не запинаясь, отвѣчалъ: „кажется, 25 или 30 руб.“. „Что за пустяки“, возразилъ Государь. „Божусь Вамъ, Ваше Величество, — отвѣчалъ Нарышкинъ, — листъ вексельной бумаги, который я подписалъ за расходы, обошелся мнѣ не дороже этихъ денегъ“.

Другой разъ дѣло происходило въ 1812 году. Во время войны кто-то хвалилъ Нарышкину храбрость его сына. Онъ, з а н я в ъ одну позицію, мужественно отстоялъ ее у непріятеля.

— Это ужъ наша фамильная черта, — замѣтилъ А. Л., — что займутъ, того не отдадутъ ***).

Весьма вѣроятно, что стѣсненное матеріальное положеніе заставило однажды Нарышкина предложить на службу Императорскихъ театровъ собственный его хоръ пѣвчихъ, состоящій изъ 22 человѣкъ. Случилось это въ сентябрѣ 1807 года, но архивъ дирекціи сохранилъ документы лишь съ 9-го августа 1821 года. Приводимъ наиболѣе существенные пункты заключеннаго съ дирекціей контракта ****).

1) Вся упомянутая капель должна пѣть во всѣхъ тѣхъ спектакляхъ Россійскихъ и иностранныхъ, въ коихъ есть хоръ, а равномѣрно въ концертахъ, Дирекціею даваемыхъ, и въ тѣхъ спектакляхъ, которые даны будутъ въ пользу артистовъ на казенныхъ расходахъ; также и въ маскарадахъ, ежели Дирекціи то заблагоразсудится.

*) Воспоминанія, Спб. 1846, 78.

**) Описаніе Россійскаго Императ. Столичн. города, Спб. I. Георги, 626.

***) Пыляевъ. „Старый Петербургъ“, 413.

****) Арх. Мин. Импер. Двора, т. 27/2121, д. № 2196.

2) Отъ артистовъ, коимъ даны будутъ бенефисы на собственныхъ ихъ расходахъ, упомянутые пѣвчіе будутъ получать плату на томъ положеніи, какъ и иные получаютъ.

3) Вся упомянутая капель должна въ назначенные отъ Дирекціи часы находиться на пробахъ и во время представленій и подъ какимъ бы предлогомъ то не было, отнюдь не отлучатся никому изъ пѣвчихъ, оную составляющихъ, за городъ безъ позволенія оной конторы, кромѣ, однакожъ, воскресныхъ, праздничныхъ и нѣкоторыхъ иныхъ дней, въ кои они могутъ безпрепятственно ходить для пѣнія въ церквахъ обѣденъ, по назначенію его высокопревосходительства Александра Львовича Нарышкина, а по окончаніи обѣденъ должны непремѣнно явиться на пробы, если въ нихъ будетъ настоять надобность.

4) Дирекція обязуется на всю вообще означенную пѣвческую капель производить жалованье ассигнаціями по 8.500 рублей въ годъ, каковую сумму выдавать по равнымъ частямъ по истеченіи каждаго мѣсяца, а для малыхъ пѣвчихъ карету.

Въ 1825 году умеръ А. Л. Нарышкинъ. Его сынъ и наслѣдникъ всего имущества, Кириллъ Александровичъ, желалъ, повидимому, урегулировать дѣла отца, ибо охотно пошелъ на новыя комбинаціи съ пѣвчими. Объ этомъ свидѣтельствуетъ ихъ прошеніе, поданное 27-го іюня 1825 года:

„[illegible] отъ госпо[illegible]на нашего повелѣніемъ, мы находимся [illegible] Дирекціи [illegible] контрактамъ 12 лѣтъ и на предь сего [illegible] службы нашей 18 лѣтъ включительно и [illegible], который долженъ кончиться сего года [illegible] Его Превосходительство [illegible] 16-ти человѣкъ на волю [illegible] мействами, со взносомъ 15.000 рублей, на что Его Пр-во и [illegible]ласенъ, только съ тѣмъ, что увольненіе послѣдовать можетъ по [illegible] контракта, имъ заключеннаго. Вслѣдствіе сего и обра[illegible] контору Дирекціи Императорскихъ театровъ, если она находитъ насъ нужными для продолженія службы при Дирекціи, то бы причислила насъ къ дѣйствительной службѣ, съ доплатою нашему господину выкупной суммы и съ производствомъ всего того содержанія, какое мы получаемъ нынѣ по контракту".

Прошеніе Нарышкинскихъ артистовъ встрѣтило сочувствіе дирекціи: повидимому, они несли тамъ отвѣтственную работу. Въ то время оперный репертуаръ былъ очень разнообразенъ. Оффиціальныя справки насчитываютъ 115 пьесъ, изъ нихъ много трагедій и комедій съ пѣніемъ. Большинство этихъ произведеній сейчасъ благополучно забыто, напримѣръ: „Сумбурщица жена", „Опрокинутыя повозки", „Скитающіеся комедіанты" и т. д. Между прочимъ, эти пьесы требовали много акссесуарныхъ ролей, на которыя дирекція мѣтила наиболѣе способныхъ пѣвчихъ. Кромѣ того, имѣли ихъ въ виду для обученія воспитанниковъ театральнаго училища по классу пѣнія. Такимъ образомъ, дѣло вполнѣ налаживалось, когда настроеніе Нарышкина вдругъ измѣнилось: вновь учрежденная комиссія надъ имѣніями Нарышкиныхъ не соглашалась разсрочить уплату выкупной суммы, какъ того желала дирекція. Объ этой перемѣнѣ курса сами пѣвчіе сообщили конторѣ. Главный комитетъ, обсудивъ вопросъ, рѣшилъ пока воздержаться отъ покупки, тѣмъ болѣе, что владѣлецъ хора предлагалъ его вновь „на прежнихъ условіяхъ". Все осталось по старому, но случай съ пѣвчими послужилъ урокомъ дирекціи; она серьезно взглянула на необезпеченность своего опернаго хозяйства, когда, по капризу владѣльца или самихъ артистовъ, театръ въ одинъ прекрасный день можетъ очутиться вовсе безъ хора!

Въ виду этого, главному капельмейстеру Кавосу и режиссеру оперной труппы Лебедеву было предложено немедленно представить свои „соображенія" насчетъ замѣны Нарышкинскихъ пѣвчихъ театральными. Дѣло было нелегкое. Правда, среди оперныхъ артистовъ и воспитанниковъ Театральнаго училища сразу нашлось 26 человѣкъ обоего пола, которые могли бы образовать постоянный хоръ, но надежда на нихъ была плохая. Особенно смущали Кавоса воспитанники. Многіе изъ нихъ не знали даже музыки, „vue qu'ils appartiennent à la dance". Между Нарышкинцами встрѣчались люди очень способные, напримѣръ, старшій пѣвчій Воробьевъ: „Cet homme est de la plus grande necessité, выражался о немъ Кавосъ, à cause surtout de son éxperience". Однако, не дождавшись болѣе или менѣе опредѣленнаго отвѣта оперныхъ администраторовъ, Комитетъ распорядился отвѣтить пѣвчимъ, что съ 1-го сентября 1826 года они свободны отъ своихъ обязанностей. Можно себѣ представить, какой это вызвало переполохъ въ хорѣ.

„Извѣстны мы о нашемъ рѣшеніи отъ Дирекціи отказомъ, пишутъ они конторѣ, но униженно просимъ не оставить насъ. Мы увольняемся отъ нашего господина откупомъ на волю, четырнадцать человѣкъ за 8 тыс. рублей и, какъ извѣстно дирекціи, что нашего жалованья остается не полученнымъ слишкомъ 4.000 руб., за семь мѣсяцевъ, по сентябрь сего 1826 года, то и просимъ очистить насъ и отослать оную сумму въ Комиссію, черезъ которую мы должны получить квитанцію. Просимъ, не отлагая до времени, котораго остается мало, намъ же надо пріискать способы къ роду жизни. Удовлетворите нашему прошенію и мы останемся благодарны".

Къ тому времени въ комитетѣ опомнились и другими глазами взглянули на прошеніе. Во-первыхъ, какъ ни подсчитывали голоса театральнаго хора, не хватало очень существеннаго, а именно, трехъ теноровъ, которые были у Нарышкина; во-вторыхъ, время увольненія пѣвчихъ совпадало съ коронаціей Императора Николая I (сентябрь 1826 года), когда въ усиленномъ хорѣ нуждались.

Послѣ долгихъ разговоровъ и пересудовъ, торгъ, въ концѣ концовъ, состоялся, выразившись въ суммѣ 8 тыс. руб. за 15 человѣкъ. Вотъ имена пріобрѣтенныхъ хористовъ (по голосамъ):

Басы: Степанъ Волковъ, Василій Шведовъ, Никита Милюковъ, Дмитрій Нижегородовъ;

Альты: Макаръ Червинъ, Василій Марковъ;

Тенора: Никита Соловенковъ, Петръ Шелкановъ, Давыдъ Семихатовъ, Тихонъ Воеводинъ, Федоръ Петренковъ, Андрей Ткаченковъ, староста Воробьевъ;

Дисканты: Федоръ Верещастинъ и Адріянъ Петровъ.

По исполненіи необходимыхъ формальностей, каждый изъ пѣвчихъ получилъ „отпускную", пришитую затѣмъ къ дѣламъ дирекціи. Приводимъ образчикъ одной изъ нихъ:

„Объявитель сего, крѣпостной мой дворовый человѣкъ, Василій Михайловъ, сынъ Шведовъ, доставшійся мнѣ по наслѣдству послѣ родителя моего, канцлера всѣхъ россійскихъ орденовъ, оберъ-камергера и кавалера Александра Львовича Нарышкина и писанный по 7-й ревизіи, Саратовской губ., Балашевскаго уѣзда, при селѣ Александровскомъ, Завьялово тожъ, отпущенъ отъ меня вѣчно на волю, а потому и имѣетъ онъ право избрать себѣ такой родъ жизни, какой пожелаетъ, на основаніи законовъ. Мнѣ же и наслѣдникамъ моимъ впредь дѣла до него не имѣть и ни по чему не вступаться. Въ увѣреніе чего сія отпускная, за подписаніемъ моимъ и съ приложеніемъ герба фамиліи моей печати мною ему и дана. Въ Санктъ-Петербургѣ. Октября 28 дня 1826 г. Подписано: Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго государя моего Гофмаршалъ, Дѣйствительный Камергеръ Вице-Президентъ и Управляющій Придворной Конторой, Орденовъ Св. Александра Невскаго, Св. Равноапостольн. Князя Владиміра 2-й степени, Св. Анны 1-го класса и Св. Іоанна Іерусалимскаго, Кавалеръ Кириллъ Нарышкинъ. У сей отпускной дѣйствительный статскій совѣтникъ Францъ Ивановичъ сынъ Лабинскій свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Еще свидѣтелями были ст. сов. Герасимовъ и ст. совѣтникъ Кривошейкинъ.

Съ этой минуты Нарышкинскіе пѣвчіе изъ рабовъ становятся временно обязанными передъ дирекціей. Согласно условію они должны прослужить еще 10 лѣтъ, послѣ чего получатъ званіе „свободныхъ артистовъ". Иначе имъ грозитъ податное сословіе. Въ новомъ положеніи бывшіе крѣпостные чувствуютъ себя довольно непринужденно. Дѣла дирекціи наполнены жалобами, ссорами и дрязгами, которыя пѣвчіе чинятъ между собою и съ дирекціей и которыя любопытны въ бытовомъ отношеніи. Въ большинствѣ случаевъ дѣло касается ихъ матеріальнаго положенія. Однажды контора медлитъ уплатою жалованья. Пѣвчіе вопятъ: „Время приходитъ холодное и у мно-

гихъ нѣтъ зимнихъ платьевъ и сапоги тоже надобны, и на кушанье, что слѣдуетъ, употребимъ для одежды и харчей". „Ваше Высокоблагородіе, взываютъ они къ управляющему конторой Ф. И. Либинскому, обнадежьте насъ вашимъ покровомъ и мы пребудемъ къ вамъ вѣрные и послушные къ услугамъ". Просьбу, конечно, удовлетворили. Съ другой стороны, не любятъ они свое прямое начальство, старшаго пѣвчаго Воробьева. Когда-то онъ ихъ „жестоко обидѣлъ", не расплатившись по счетамъ; съ тѣхъ поръ они больше не питаютъ къ нему довѣрія и чуть что жалуются на него. „Отъ вышеписаннаго учителя мы не можемъ заслужить себѣ и на дѣлѣ отлички. Осмѣливаемся упомянуть, что оный Воробьевъ, кромѣ зла въ своемъ характерѣ, не имѣетъ добрыхъ намѣреній, но желаніе его всегда мстить за нашу простоту". Въ свою очередь, старшій не остается въ долгу передъ родичами. Пользуясь довѣріемъ театральнаго начальства, онъ то и дѣло шпыняетъ ихъ, иногда по заслугамъ. Однажды попадается въ ослушаніи пѣвчій Марковъ. „По приказанію г. Кавоса, рапортуетъ Воробьевъ конторѣ, вновь купленныхъ пѣвчихъ обучать мнѣ ихъ хоры и учить въ большой комнатѣ, гдѣ и театральныхъ, но пѣвчій Марковъ мнѣ запрещаетъ и говоритъ, что эта комната принадлежитъ только для ихъ и онъ нарочно будетъ играть на скрипкѣ въ то время, когда я буду учить пѣвчихъ". Конечно, начальство вняло голосу старшаго и Маркова вразумили: „Призвать въ контору, гласитъ резолюція, и объявить ему съ подпискою выговоръ съ тѣмъ, что еще другая жалоба будетъ на него, то о худомъ его поведеніи представлено будетъ Его Сіятельству (кн. Гагарину, директору), для примѣрнаго наказанія". Разъ попалъ въ часть пѣвчій Степанъ Волковъ. За что? Вѣроятно, за пьянство, хотя потерпѣвшій, въ рапортѣ по начальству, пытается объяснить это иначе.

„Осмѣливаюсь Васъ обезпокоить и просить Вашей защиты, обращается онъ къ оперному режиссеру. Явите Вашу волю на избавленіе отъ порока въ 25 лѣтъ заслужившаго, по причинѣ моей болѣзни, Вамъ извѣстной отъ головы; послѣ крестинъ, отъ хлопотъ и простуды, со мной сдѣлался ударъ на улицѣ, откуда меня взяли [въ] съѣзжій домъ. И отправили въ нашу контору, гдѣ меня и осудили подъ арестъ. Если милость Ваша будетъ, объясните и заставьте быть въ томъ вѣчно благодарнѣйшимъ. Вашего благородія честь имѣемъ пребыть пѣвчій съ семействомъ малолѣтнихъ Степанъ Волковъ". Пѣвчаго освободили, но съ предупрежденіемъ „впредь быть осмотрительнымъ".

Не всегда, впрочемъ, жизнь Нарышкинскихъ пѣ[illegible]чихъ протекала въ однихъ скандалахъ. Выпадали и свѣтлыя минуты. Въ 1829 году, напримѣръ, пѣвчій Василій Шведовъ задумалъ жениться. Бракъ [illegible] аристократическій. Невѣста, Марія Канатчикова, принадлежала къ придворному вѣдомству. Отецъ ея бы[illegible] придворнымъ лакеемъ. Почему-то контора запросил[illegible] согласіе хора. Любопытенъ отзывъ пѣвчихъ[illegible]

„Получа свѣдѣнія изъ конторы Императо[illegible] театровъ насчетъ бракосочетанія Василія Ш[illegible] то оное позволеніе отъ хора не зависитъ, [illegible] ходимся подъ вѣдѣніемъ Дирекціи Импе[illegible] Театровъ и не можетъ бы[illegible] пятствія. Если же угодно буде[illegible] Императорскихъ театровъ позволи[illegible] четанію, то и мы въ такомъ случ[illegible] упреждая при семъ, что [illegible] жить въ теперешнихъ, занимаемых[illegible] если Контора Дирекціи позво[illegible] и надѣемся, что не оставитъ его [illegible] квартиры". Кромѣ согласія на бр[illegible] силъ еще „денежное вспомоще[illegible] его удовлетворили.

УСАДЬБА НА ОКРАИНѢ РОССІИ.

Имѣніе кн. А. В. Оболенскаго на [illegible]

Гербъ кн. Оболенскихъ — надъ фасадомъ.

Къ числу очень немногихъ новыхъ усадебъ, построенныхъ за послѣдніе годы въ „странѣ озеръ и скалъ", построенныхъ исконными русскими фамиліями, принадлежитъ дача-дворецъ на берегу живописнаго озера Сайма. Это—одна изъ первыхъ русскихъ усадебъ и одна изъ наиболѣе красивыхъ усадебъ въ Финляндіи. Князь А. В. Оболенскій и княгиня О. А. Оболенская являются піонерами въ дѣлѣ насажденія хорошей русской культуры въ этомъ краѣ.

Видъ дома и террасы. (Им. кн. А. В. Оболенскаго)

Первое „насажденіе" новыхъ вкусовъ произведено очень удачно: по проекту и подъ наблюденіемъ одного изъ наиболѣе талантливыхъ нашихъ архитекторовъ, И. А. Фомина, (строителя дворца Половцевыхъ въ С.-Петербургѣ, на Аптекарскомъ Островѣ), построенъ домъ въ стилѣ барокко Петровской эпохи.

Стиль примѣненъ очень удачно. Дѣйствительно, вспоминая о присоединеніи Финляндіи, о первыхъ битвыхъ изъ-за нея при Петрѣ, о томъ значеніи, которое имѣли его побѣды и вообще о той роли, которую сыграли Петровскія культурныя начала въ исторіи этой страны, приходится признать, что и возведенію подходитъ, какъ нельзя больше, стиль барокко начала XIII ст., единственный изъ подлинныхъ историческихъ стилей; онъ удачно примѣненъ, какъ-то удивительно сочетается съ окружающимъ

пейзажемъ. Стиль финляндскаго модерна, возрождающагося на основѣ шведскаго романизированнаго, массивнаго, угрюмаго гранитнаго стиля, или этотъ веселый, яркій, нарядный стиль, умѣстный на фонѣ природы этого края: зодчій избралъ барокко.

Сочныя бѣлыя колонны, пышныя капители, увитыя цвѣтами, прихотливо изогнутые фронтоны, вазы съ фруктами и яркая окраска стѣнъ... на фонѣ темныхъ елей и лиственницъ.

Фасадъ на озеро украшенъ портикомъ изъ четырехъ іоническихъ колоннъ, увѣнчивающихся огромнымъ фронтономъ; здѣсь помѣщенъ гербъ князей Оболенскихъ, на фонѣ намета богатѣйшей композиціи: подъ мантіей уложены каски, пушки, сѣкиры и мечи.

Боковыя части обработаны пилястрами, наличники оконъ верхняго этажа сложнаго рисунка, съ симпатично изогнутыми фронтончиками, а надъ окнами первагоэтажа [illegible] со страусовыми [illegible] круглой башни [illegible] во второмъ этаж[illegible] тоненькими балюстрами. [illegible] зенькія съ мансардами [illegible] Ораніенбаумскихъ или П[illegible]

Фасадъ со стороны [illegible]

Въ общемъ этотъ домъ [illegible] жений, воздвигнутыхъ за [illegible] старинныхъ построекъ [illegible] современномъ характерѣ!

Особенно надо пора[illegible] бытаго барокко, столь [illegible] нихъ резиденціи; число ихъ [illegible] увеличивается.

Терраса съ колоннами.

ИМѢНІЕ „БЕРЕЗА" гг. ВОЛЖИНЫХЪ.

Фасадъ дома со стороны парка.

Имѣніе „Береза" Дмитріевскаго уѣзда, Курской губ., — нынѣ принадлежитъ камеръ Холмскому губернатору Алекс. Ник. Волжину (жена его рожд. княжна О. А. Долгорукая).

Старый домъ стоялъ 137 лѣтъ и сгорѣлъ въ 1912 году отъ поджога лакея

Мебель краснаго дерева, корельская и друг. въ большинствѣ спасена, какъ и большія коллекціи фарфора, иконъ, бронзы и друг.

Въ имѣніи живетъ старшій сынъ владѣльца Н. А. Волжинъ и ведетъ хозяйство. Другой братъ, — А. А. Волжинъ, корнетъ Кавалергардскаго полка.

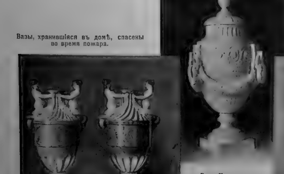
Колонны со стороны парка.

Фасадъ дома со двора [illegible]

ИМѢНІЕ „[illegible]
гг. ВОЛЖ[illegible]

Вазы, хранившіяся въ домѣ, спасены во время пожара.

Ваза Межегорье.

Вазы работы Гарднера.

Вазы Севръ.

О МОДЯХЪ БЛАГОРОДНЫХЪ И О ПРЕДМЕТАХЪ ВЫСОКИХЪ.

(Разсужденія не столь серьезныя, но полезныя).

[illegible] …та, въ разгаръ лондонскаго „Сизонъ“ [illegible] …рій, въ присутствіи англійской королевской [illegible] „съѣздовъ“, или собраній, „courts“, во время которыхъ Ихъ Величествамъ представляются супруги новыхъ пэровъ и молодыя дѣвушки изъ высшаго общества, впервые выѣзжающія въ свѣтъ.

…ти придворныя торжества обставляются со всей пышностью и „высокимъ тономъ“, присущими англійскому строю. Молодыя дѣвушки, „débutantes“, какъ ихъ называютъ, являются ко двору въ бѣлыхъ бальныхъ платьяхъ съ длинными трэнами и обязательно съ громаднымъ букетомъ цвѣтовъ въ рукахъ. Ихъ сопровождаютъ и представляютъ королю и королевѣ, обыкновенно, самыя знатныя дамы англійской аристократіи и нерѣдко у каждой такой дамы бываетъ по нѣсколько „débutantes“; такъ, напримѣръ, въ нынѣшнемъ году, герцогиня Девонширская представила ко двору двухъ молодыхъ дѣвушекъ и супругу лорда Англэзли. Лэди Ирина Керзенъ была представлена своей теткой Лэди Сюффоксъ, а миссъ Елизавета Асквитъ своею матерью, супругой перваго министра Англіи. Какъ для молодыхъ дѣвушекъ, такъ и для молодыхъ лэди эти представленія ко двору являются цѣлымъ событіемъ, къ которому приготовляются задолго и вспоминаютъ потомъ долгіе годы.

Для молодыхъ дѣвушекъ представленіе ко двору открываетъ всѣ двери и даетъ возможность сдѣлать хорошую партію. Для молодыхъ лэди это означаетъ, что ихъ имя будетъ занесено въ книгу „Peerag'a“.

Но что такое „Peerage“? Это своего рода Готскій Альманахъ или книга англійской аристократіи, ежегодно исправляющаяся и дополняющаяся подъ оффиціальнымъ контролемъ. Ни одинъ подданный короля англійскаго, императора Индіи, не имѣетъ права называть себя лордомъ или даже сэромъ, если его фамилія не вписана въ книгу Peerag'a.

Однако, изъ этого не слѣдуетъ, что „Peerage“ есть лишь алфавитный списокъ англійскихъ пэровъ. Не всѣ англійскіе дворяне—пэры Англіи и далеко не все лорды—члены Палаты Лордовъ. Прежде всего, терминъ „лордъ“ означаетъ „владѣтель“, „господинъ“. Этотъ титулъ принадлежитъ по праву всѣмъ герцогамъ, маркизамъ, графамъ, виконтамъ, баронамъ, безъ различія состоятъ ли они членами верховной палаты или нѣтъ. Пэрами же могутъ называть себя по праву только титулованные дворяне собственно Англіи. Поэтому дворянство Шотландіи и Ирландіи съ издавна получило, въ видѣ компенсаціи, право выбирать изъ своей среды нѣкоторое количество пэровъ. Кромѣ того, титулъ лорда дается всѣмъ англиканскимъ и католическимъ архіепископамъ, а также младшимъ сыновьямъ герцоговъ и маркизовъ.

Когда титулъ лорда принадлежитъ по праву, то этотъ титулъ непосредственно предшествуетъ фамиліи; напримѣръ, маркизъ Сольсбери, также лордъ Сольсбери. Но если говорятъ о второмъ сынѣ маркиза Сольсбери, то его назовутъ лордомъ Джоржъ Гамильтономъ. Точно также младшаго сына маркиза Сольсбери называютъ лордомъ Югъ Сессилъ, но только изъ любезности, такъ какъ на самомъ дѣлѣ лордъ Джоржъ Гамильтонъ и лордъ Югъ Сессиль просто г. Джоржъ Гамильтонъ и г. Югъ Сессиль.

Дѣдъ герцога Мальборо имѣлъ двухъ сыновей; младшій сынъ оставилъ въ политической исторіи Англіи гораздо болѣе глубокій слѣдъ чѣмъ старшій, наслѣдникъ герцогскаго титула. Его звали лордомъ Рандольфомъ Черчилль. Оба брата имѣли по сыну, старшій сынъ старшаго брата получилъ титулъ герцога, а старшій сынъ младшаго брата зовется еще по нынѣ просто г. Уйстонъ Черчилль. Онъ нынѣ морской министръ Англіи, но не имѣетъ права засѣдать въ Палатѣ Лордовъ.

Въ традиціяхъ англійской аристократіи есть много другихъ курьезовъ.

Покойный король Эдуардъ VII, еще въ бытность свою принцемъ Уэльскимъ, выдалъ старшую дочь принцессу Луизу за earl of Файфъ. Графъ Файфъ не былъ и не могъ быть членомъ Палаты Лордовъ. Чтобы обойти это затрудненіе королева Викторія учредила въ его пользу герцогство-пэрію и назвала его герцогомъ Файфскимъ. Тѣмъ не менѣе, дѣти его, несмотря на то, что были внуками короля, остались все же подчиненными правиламъ Peerag'a, а потому старшая дочь герцога Файфскаго называется просто лэди Александра Дэффъ.

Подобно тому, какъ младшихъ сыновей герцоговъ и маркизовъ зовутъ изъ любезности лордами, точно также и ихъ дочерей зовутъ лэди. Но въ обоихъ случаяхъ сейчасъ же послѣ титула слѣдуетъ имя. Нельзя сказать лэди Дэффъ, надо сказать лэди Александра Дэффъ. Титулъ лэди, безъ имени, дается лишь тѣмъ замужнимъ женщинамъ, которыя стали лэди, выйдя замужъ за лорда. Если мужъ лэди пэръ Англіи, то она послѣ своего званія прибавляетъ фамилію своего мужа. Если же она жена баронета или рыцаря, то между своимъ званіемъ и фамиліей мужа она прибавляетъ его имя. Примѣръ: лэди Сольсбери жена лорда Сольсбери, лэди Эдмундъ Монзонъ, жена сэра Эдмунда Монзонъ.

Нельзя смѣшивать титулъ лэди съ тѣмъ словомъ, какимъ англичане называютъ каждую даму. Каждая англійская дама можетъ себя назвать „лэди“, но „лэди такая то“ — это жена лорда. Исключеніе дѣлается лишь для герцогинь и маркизъ, которыхъ зовутъ, какъ и ихъ мужей „свѣтлостями“.

Дочь пэра Англіи—лэди и она остается лэди, если даже выйдетъ замужъ за разночинца.

Самыми низшими титулами, внесенными въ книгу Peerage считаются баронеты и „найтъ“, т. е. рыцарь. Баронеты и найты имѣютъ право на званіе сэра, но какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о младшихъ сыновьяхъ пэра — они должны передъ фамиліей упомянуть свое имя: сэръ Томасъ Липтонъ, а не просто сэръ Липтонъ. Допускается сокращеніе: говоря о какомъ нибудь очень извѣстномъ лицѣ, можно просто сказать: сэръ Томасъ, сэръ Джоржъ, имѣя, напримѣръ, ввиду нынѣшняго англійскаго посла при Россійскомъ Дворѣ, сэра Джоржа Бьюкенэна.

Когда вы пишите англичанину письмо, то, конечно, не назовете его „мистеръ“—это не корректно! Вы напишете его имя, фамилію и прибавите „Esq.“ что значитъ „esquire“, т. е. оруженосецъ.

Одинъ изъ самыхъ популярныхъ англичанъ (кто не знаетъ Lipton tea:), спортсмэнъ и чаевладѣлецъ сэръ Томасъ Липтонъ, началъ свою карьеру съ самыхъ низовъ; когда онъ сталъ владѣльцемъ чайныхъ складовъ и превратился изъ мастера Томаса въ мистера Томаса, его корреспонденты изъ Цейлона стали уже писать ему „Томасъ Липтонъ Esq“! Впослѣдствіи онъ получилъ титулъ рыцаря „Knight“ и сталъ называться сэромъ Томасомъ Липтонъ. Но это личный титулъ и онъ не могъ бы его передать потомству.

Кавал. дама, фрейл. И. И. В. Госуд. Импер., Свѣтл. княжна Ел. Алдр. Ливенъ.
Начальница Смольнаго института.

Въ этомъ и слѣдующихъ №№ „Ст. и Ус.“ будетъ помѣщенъ рядъ фотографій „Смолянокъ“,—окончившихъ давно или недавно Смольный институтъ.

Редакція обращается съ покорной просьбой присылать фотографіи и портреты. Портреты хорошо исполненные красками, будутъ и воспроизведены въ краскахъ.

Лордъ Милнеръ до бурской войны назывался просто сэромъ Альфредомъ Милнеръ, но получивъ званіе графа онъ сталъ называться лордомъ Милнеромъ: онъ лордъ по праву, а потому къ его фамиліи уже не прибавляютъ имени.

Генералъ Китчинеръ былъ виконтомъ, а недавно сталъ графомъ, тѣмъ не менѣе онъ продолжаетъ называться лордомъ Китчинеромъ, точно также, какъ маршалъ Робертсъ, хотя и имѣетъ титулъ графа, называется лордомъ Робертсомъ. Таковы нѣкоторыя особенности англійскаго peerag'a. Они могутъ казаться смѣшными, но они способствуютъ сохраненію рамокъ и формъ, въ которыя выливается англійская жизнь.

Государственныя и иныя соображенія заставили корону превращать ежегодно нѣсколько десятковъ представителей буржуазіи—дѣльцовъ, торговцевъ, банкировъ, въ баронетовъ и пэровъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти люди еще до того, какъ войти въ рядъ патентованной аристократіи, уже принадлежали къ тому классу англійскаго общества, который называютъ „gentry“ и который занимаетъ середину между родовитой аристократіей и средней буржуазіей. Эти новые дворяне очень серьезно относятся къ пожалованнымъ имъ титуламъ и всѣми силами стараются ихъ не запятнать.

Привилегіи англійской аристократіи нынѣ нѣсколько сужены, но надо и то сказать, что среди нихъ было много такихъ, которыми англичане давнымъ давно уже не пользовались. Напримѣръ, до 1801 года англійскіе аристократы имѣли право совершать безнаказанно, но только одинъ разъ, одинъ изъ слѣдующихъ проступковъ: вооруженное ограбленіе на большой дорогѣ, кражу со взломомъ, уводъ лошадей или рогатаго скота!..

Пэры Англіи имѣютъ еще до сихъ поръ право, возвращаясь съ королевской аудіенціи, убить въ королевскомъ лѣсу пару лосей, въ присутствіи лѣсничаго. Но, чтобы вызвать лѣсничаго, они должны, обычай того требуетъ, трубить въ длинный охотничій рогъ...

Оказывается, однако, что ни одинъ изъ современныхъ лордовъ не пользуется этой интересной привилегіей; вѣроятно, оттого, что они уже не носятъ больше съ собою роговъ...

Глобтроттеръ.

... При яркомъ блескѣ дня вашъ вѣеръ темно-сѣрый
На письменномъ столѣ лишь рѣзкій диссонансъ—
Забытая мечта несбыточной химеры—
Когда-то слышанный романсъ...
Но въ часъ, когда зари погаснетъ лучъ послѣдній
И въ паркѣ за окномъ зашелестятъ листы
Разсказы вѣера не призрачныя бредни,
Не мимолетныя мечты...

М. фонъ Эссенъ.

Обложка программы торже... въ институтѣ

СМОЛЯНКИ.

Марія Ал-др. фонъ-Флотова, супруга германскаго посла въ Римѣ, рожд. княжна Шаховская (по первому браку граф. Келлеръ).

Марія Соломон. Шипова, рожд. граф. Кронгельмъ.
(смолянка вып. 1856 г.)

Ты знаешь осень?
Въ золотомъ уборѣ
Стоятъ лѣса, чаруя мысль и взглядъ;
На югъ, туда, гдѣ вѣчно плещетъ море,
Веселой стайкой ласточки летятъ.
Пьянѣй и слаще ароматъ растеній,
Сильнѣй отрава скуки и сомнѣній;
Въ вершинахъ липъ печально вѣтеръ стонетъ,
Закатъ роскошенъ, тихъ, какъ никогда,
Въ воспоминаньяхъ милыхъ сердце тонетъ
И бьется такъ, какъ въ прежніе года,
Но ихъ вернуть нѣтъ смысла, нѣтъ и власти:
Устало сердце и не ищетъ страсти...

И. Н. Саламановъ.

СМОЛЯНКИ.
(Къ 150-лѣтію Смольнаго института).

Статсъ-дама графиня Екатерина Николаевна Адлербергъ, рожд. Полтавцева, жена министра Двора и личнаго друга Императора Александра II, графа Александра Владимировича Адлерберга. Окончила курсъ въ Смольномъ институтѣ.

„ДУМА ЗА ДУМОЙ“.

(Альбомъ доктора В. Б. Бертенсона).

I.

Въ Россіи серьезныхъ автографистовъ немного. Когда упоминаютъ о нихъ, то непремѣнно начинаютъ съ талантливаго переводчика-поэта Ф. Ф. Фидлера, у котораго дѣйствительно обширное собраніе автографовъ русскихъ и иностранныхъ, разбросанныхъ въ цѣломъ рядѣ альбомовъ — на всѣ случаи литературной жизни.

Безусловно интересны коллекціи покойнаго гипнотизера О. И. Фельдмана, бывшаго редактора „Русской Старины“, историка В. И. Семевскаго, редактирующаго теперь „Голосъ минувшаго“ и Н. Б. Нордманъ-Сѣверовой.

Изъ позднѣйшихъ собирателей особенно выдѣляется неутомимый Э. П. Юргенсонъ, дополняющій новыми вкладами богатый музей П. Л. Вакселя, можетъ быть, самый цѣнный изъ всѣхъ предыдущихъ.

Заслуживаютъ вниманія альбомы „беллетристическихъ обѣдовъ“ (былъ такой прежде союзъ), „пятницъ“ и „вечеровъ Случевскаго“. Пишущій эти строки тоже имѣлъ возможность составить довольно объемистый калейдоскопъ мыслей, взглядовъ, набросковъ, рисунковъ, иногда очень характерныхъ для ихъ авторовъ. Альбомовъ, похожихъ другъ на друга, вообще нѣтъ. Возьмите любой и вы увидите, что онъ отличается какой-нибудь особенностью, которой недостаетъ другимъ альбомамъ.

Въ настоящей замѣткѣ я предполагаю познакомить читателей „Столицы и Усадьбы“ съ собраніемъ доктора Василія Бернардовича Бертенсона, автора весьма занимательныхъ воспоминаній, печатающихся уже нѣсколько лѣтъ на страницахъ „Историческаго Вѣстника“.

Сталкиваясь на жизненномъ пути съ разными знаменитостями, писателями, художниками, музыкантами, государственными людьми, мужами церкви, вплоть до Царствующихъ особъ, В. Б. Бертенсонъ не забывалъ преподносить имъ въ удобную минуту памятную книжку на каждый день—„Думу за Думой“ и получать отъ нихъ рисунокъ, афоризмъ, музыкальную фразу и хотя бы одну только подпись.

Буду перелистывать эту увлекательную книгу, останавливаясь лишь на записяхъ, которые болѣе любопытны или почему либо особенно цѣнны, такъ какъ подробное описаніе отняло бы слишкомъ много времени и мѣста.

На страницѣ отъ 6-го мая Собственной Его Императорскаго Величества рукою начертано: „Николай. 11-го декабря 1889 г. Спб.“.

Императоръ Бразильскій [illegible] привелъ въ своемъ французскомъ переводѣ отрывокъ изъ Льва Толстого, [illegible] „Cannes 7 mars 1890“ [illegible]

„Je regrette de ne pas [illegible] Pouschkine, ou les fables de Kriloff en russe, parceque je les ai déjà traduit en [illegible] l'original [illegible]

Великій Князь Константинъ Константиновичъ [illegible] баловени [illegible]

[illegible] нихъ. О[illegible] царствующа[illegible]

Англійскій [illegible] Эдуардъ VII, какъ [illegible] тый джентльменъ, [illegible] своей подписи [illegible] вилъ числа новаго и стараго стиля („Cannes 25 mars 6 avril 1890“), стараясь этимъ какъ бы оказать честь и русскому календарю.

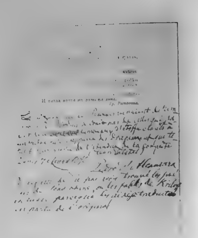

Жена поэта Фофанова. Рис. И. Рѣпина.

А вотъ прелестныя акварели и рисунки перомъ и карандашомъ, принадлежащіе И. Е. Рѣпину (портретъ г-жи Фофановой, супруги покойнаго поэта, [illegible] съ натуры за чашкой чаю 20-го апрѣля 1889 г.), А. Бегрову, несравненному И. К. Айвазовскому, Альберту Бенуа, М. Чижову, К. Маковскому, баронамъ М. П. и М. К. Клодтамъ, А. Берггольцу, М. Зичи, А. П. Боголюбову, К. Прокофьеву, Л. Лагоріо и Эберлингу.

II.

Перехожу къ отдѣлу стихотвореній и афоризмовъ, принадлежащихъ выдающимся современникамъ, главнымъ образомъ, писателямъ.

Переводъ изъ „Войны и Мира“
Педро д'Альбантара.

Рис. Зичи (1897 г.).

В. С. Лихачевъ, тонкій эпиграмматистъ и большой мастеръ стиха, написалъ съ обычнымъ юморомъ:

„Цвѣты растутъ для каждаго на жизненномъ пути,
Но много ли умѣющихъ вѣнки изъ нихъ плести“.

Ядовитый графъ Алексисъ Жасминовъ внесъ такое безобидное двухстишіе:

„Безъ всякихъ думъ, душой смиренецъ,
Впишу въ альбомъ вашъ — В. Буренинъ“.

Беллетристъ Владиміръ Тихоновъ далъ стихотворный штрихъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ философичности:

„Боясь прослыть тенденціознымъ,
Задачу вижу я въ одномъ -
Смѣшное находить въ серьезномъ,
Искать серьезное въ смѣшномъ“.

Отличавшійся большимъ остроуміемъ, К. А. Скальковскій, будучи въ то время еще директоромъ горнаго департамента, не пощадилъ себя въ веселомъ парадоксѣ: „Нѣтъ противнѣе вида, какъ видъ своего начальства“.

А. Фаресовъ сдѣлалъ такой выводъ изъ житейскаго опыта: „Факты гибнутъ, иллюзіи — никогда“.

Нетрудно узнать А. Апухтина въ мягкомъ, насмѣшливомъ четверостишіи:

„Жизнь прожить — не поле перейти...
Да, правда, жизнь — скучна и каждый день скучнѣе,
Но грустно до того сознанія дойти,
Что поле перейти мнѣ всетаки труднѣе“.

Выписываю цѣликомъ стихотвореніе К. К. Случевскаго, еще не бывшее въ печати, какъ, впрочемъ, и большинство приводимыхъ здѣсь выдержекъ:

„Пять лѣтъ назадъ печатно гдѣ-то
О стихотворцахъ я сказалъ,
Что будетъ прошлое отпѣто
И глянетъ новый идеалъ:
    Что вслѣдъ за вихремъ свистопляски
    И царствомъ шаржей и сатиръ
    Начнутъ у насъ мѣняться краски,
    Преобразится взглядъ на міръ;
Польются слёзы бѣдной Лизы,
Раздастся снова ритурнель,
Мы будемъ спорить за девизы
И пререкаться за свирѣль;
    Что въ ходъ пойдутъ альбомы снова...
    И вотъ, любезный Бертенсонъ,
    Здѣсь доказательство готово:
    Пишу съ другими въ унисонъ“.
(12 авг. 1888).

Обращаетъ вниманіе стихотворный экспромптъ К. Фофанова, мѣткій, ясный и вдумчивый, хотя, можетъ, и не вполнѣ справедливый:

„Сильнѣй и глубже вѣкъ отъ вѣка
Земли и мысли торжество:
Все меньше вѣры въ Божество
И больше вѣры въ человѣка“.
(20 апр. 1889).

Нельзя не улыбнуться, читая Д. В. Григоровича, неистощимаго острослова добраго стараго времени: „Лица, поставившія себѣ единственною цѣлью жизни сдѣлать служебную карьеру, дѣйствуютъ обыкновенно такимъ образомъ: они спѣшатъ протянуть руку тамъ, гдѣ слѣдовало бы прежде всего выдвинуть ногу съ тѣмъ, чтобы дать хорошаго киселя“.

И. Н. Потапенко скромно обмолвился короткой фразой: „Въ такомъ блестящемъ собраніи я едва рѣшаюсь подписать свое имя“.

Петръ Вейнбергъ, маститый патріархъ русской литературы, 16-го іюня 1888 г. сдѣлалъ признаніе въ духѣ Гейне: „Четыре года назадъ въ этотъ день (день моего рожденія) я написалъ въ моей памятной книжкѣ:

Пятьдесятъ-четыре года!
Въ нихъ десятки лѣтъ борьбы
И отчаянныхъ усилій
Вырвать счастье у судьбы.

Пятьдесять-четыре года!
Въ нихъ десятки дней весны,
Безмятежныхъ наслажденій,
Благодатной тишины...
А межъ тѣмъ все также быстро
Бьется сердце, льется кровь
И все также дразнитъ душу
Къ жизни глупая любовь...

Въ нынѣшнемъ году въ этотъ день мнѣ будетъ уже 58 лѣтъ и, увы, я повторяю то же самое"...

Н. Н. Вентцель (Бенедиктъ), недавній юбиляръ, внесъ въ альбомъ свое извѣстное сатирическое стихотвореніе объ отлученіи отъ церкви Льва Толстого („Семь смиренныхъ голубей")...

Любопытны стихи Василія Величка („заштатнаго врача души") подъ заглавіемъ: „Врачъ и поэтъ":

„Въ безмѣрной благости Творецъ
Далъ смертнымъ два святыхъ удѣла:
Для исцѣленья душъ — пѣвецъ
И врачъ для немощнаго тѣла.
Жилося прежде, говорятъ,
Имъ одинаково прилично.
Теперь одни врачи царятъ,
Пѣвцовъ же доля — горемычна.
Виной ли тутъ реальный вѣкъ,
Что ужъ не словъ, а фактовъ хочетъ;
Нѣжнѣй ли тѣломъ человѣкъ,
А о душѣ и не хлопочетъ;
Поэты-ль сами тутъ виной
Тѣмъ, что, забывъ о Божьемъ дарѣ,
Всѣ цѣлью заняты одной —
Пещись о бренномъ гонорарѣ...
Пѣвцамъ бѣда! — и замѣчалъ
Не разъ ужъ кто-то не безъ злобы,
Что родъ ихъ больно измельчалъ,
Но расплодились, какъ микробы...
Вездѣ ихъ гонятъ и бранятъ
И вдругъ — нежданно фактъ отрадный:
Въ альбомъ зоветъ ихъ врачъ, нашъ братъ
Убогихъ братьевъ, въ домъ парадный.
И о врачѣ теперь пою
Я, залетѣвъ къ нему, какъ птичка,
Но ужъ написана страничка
И надо кончить пѣснь мою"...
(20 апр. 1889).

Ѳедоръ Сологубъ выступилъ въ тогѣ мистическаго философа: „Умершіе становятся божествами нашими и царствуютъ надъ нами, и нѣжная власть ихъ нерасторжима".

А вотъ слова Антонія, бывшаго митрополита С.-Петербургскаго: „Есть врачъ духовный и есть врачъ тѣлесный. Врачу духовному для полнаго успѣха его дѣла, кромѣ свѣта вѣры, нуженъ и свѣтъ знанія. Врачу тѣлесному для такого же успѣха его дѣла нуженъ, кромѣ свѣта знанія, и свѣтъ вѣры".

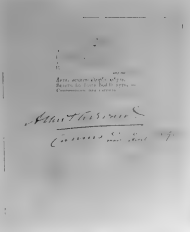
Здѣсь же, въ альбомѣ В. Б. Бертенсона, и несравненный стилистъ — Гюи де-Мопассанъ:

„Parfois, au fond de mon coeur, vieilli, empoisoné d'incrédulité se réveille pendant quelques instans mon pétit coeur de jeune garçon".

Я. П. Полонскій, какъ всегда, блеснулъ обаятельностью дивнаго стиха:

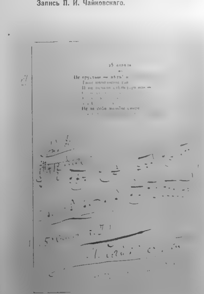
„Вѣдь вашъ альбомъ
Такой парадный домъ,
Такія тутъ роскошныя обои,
Что надо быть изряднымъ дуракомъ,
Чтобъ въ золоченные покои
Входить съ измученной душой,
Безъ комплимента, безъ букета...
Ахъ, ради Бога, милый мой,
Увольте стараго поэта".
(26 янв. 1888)

Въ высшей степени интересна запись отца Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго), выражающая его confession de foi: „Христосъ — моя сила, Богъ и Господь, Имъ я живу, спасаюсь, оживотворяюсь, укрѣпляюсь, юнѣю духомъ и тѣломъ; Имъ влечется ко мнѣ народъ; Имъ я господствую надъ умами и сердцами; Имъ исцѣляю страсти и болѣзни духа и тѣла". (5 окт. 1900).

Подпись короля Эдуарда VII

Запись П. И. Чайковскаго.

Знаменитый адвокатъ С. А. Андреевскій фигурируетъ съ такимъ восьмистишіемъ:

„Я родился въ суровый день
На этой горестной планетѣ
И все блуждалъ по ней, какъ тѣнь,
Живя мечтой о лучшемъ свѣтѣ.
Но вдругъ я встрѣтилъ наяву
Въ саду цвѣтущемъ дочь эѳира
И чувствомъ трепетнымъ живу,
И все по ней тоскуетъ лира“.

(21 февр. 1888).

[illegible]льбомная страница отъ 28-го августа украшена [illegible]щей краткой, но многозначительной записью:

„Левъ Толстой
1895 г. 8 Апрѣля“.

[illegible] выписалъ нѣсколько строчекъ [illegible] „Двухъ Міровъ“, [illegible] А. А. Голенищевъ-Кутузовъ — изъ „Разсвѣта“, А. Ѳ. Кони [illegible]илъ о томъ, что можетъ написать юристъ [illegible] книгѣ, гдѣ высказа[illegible] поэты и музы[illegible]. А. С. Суворинъ [illegible] Н. А. Лейкинъ коснулись слегка своихъ біографій...

Кого только нѣтъ въ альбомѣ г. Бертенсона! Путешественникъ Стэнли и спутникъ его Паркъ, геніальный изобрѣтатель Яблочковъ, сербскій государственный дѣятель Іованъ Ристичъ, поэтъ-разсказчикъ Горбуновъ, А. Плещеевъ, д-ръ А. В. Елисѣевъ, Лѣсковъ („смиренный ересіархъ Николай“), Альбовъ, Баранцевичъ, Вас. Немировичъ-Данченко, Г. П. Данилевскій, А. Ѳ. Мейснеръ, Б. Б. Глинскій... Всѣхъ не перечтешь.

III.

Осталось сказать еще два слова о представителяхъ музыкальнаго міра, также довольно полно представленныхъ въ альбомѣ.

Піанистка А. Н. Есипова написала подъ нотными знаками:

„Лечи меня—твои лекарства мнѣ слаще меда и вина“.

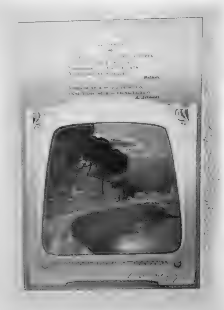
Авторъ оперы „Потонувшій Колоколъ“ А. А. Давыдовъ, віолончелистъ и композиторъ, вспомнилъ слова изъ 3-го акта:

„Возможно-ль, вы опять здоровы?“

Далѣе проходятъ Цезарь Кюи, А. К. Глазуновъ, Г. Лишинъ, П. И. Чайковскій, Н. Ѳ. Соловьевъ, Юферовъ, Лядовъ, Антонъ Рубинштейнъ, Римскій-Корсаковъ, Направникъ, А. С. Танѣевъ, М. М. Ивановъ, Вержбиловичъ...

Много страницъ еще не заполнено и онѣ ждутъ своей очереди, но въ этомъ, далеко незаконченномъ, видѣ, памятная книжка на каждый день, несомнѣнно, имѣетъ историческое значеніе.

*В. З[illegible]
Кал[illegible]новскій*

„Итальянскія озера“.
Рис. Эберлинга.

Петербургъ. Зданіе Биржи. Рис. М. Бобышова.

ЗАРУЦКОЕ.

(Черниговской губ., Глуховскаго уѣзда).

Славящееся своею живописностью имѣніе Заруцкое нынѣ принадлежитъ Е. П. Бекъ. Оно расположено въ 7 верстахъ отъ г. Глухова. Усадьба находится въ дубовой рощѣ, на правомъ берегу рѣки Клевени, на высокомъ бугрѣ, съ котораго открывается красивая панорама лугового берега, лежащаго уже въ предѣлахъ Курской губ. Самый домъ расположенъ въ ст[illegible] [illegible] ными липовыми аллеями, спускающимися постепенно къ рѣкѣ.

Исторія этого уголка довольно любопытна. Имѣніе было подарено Петромъ Великимъ священнику Заруцкому за участіе его въ Полтавской битвѣ и находилось во владѣніи его потомковъ до конца XVIII ст. Послѣдняя владѣлица этого имѣнія промѣняла его на берлинъ (модный экипажъ того времени), принадлежавшій нѣкоему Дергуну, служившему въ Глуховѣ чиновникомъ мѣстнаго управленія. Въ родѣ Дергуна имѣніе находилось до 60-хъ годовъ XIX ст.

Усадьба досталась сестрѣ Дергуна (по мужу [illegible]) [illegible] перешла къ ея дочери, вышедшей замужъ за Бек[illegible] [illegible] венской жизни и не разъ уговаривалъ жену [illegible] [illegible] шалась. По болѣзни случилось ей отъѣхать [illegible] [illegible] отъѣздомъ и снесъ громадный каменный домъ [illegible] на возвратившуюся, что она совершенно покинула усадьбу и искала случая продать ее. Въ концѣ 70-хъ годовъ желаніе ея исполнилось и Заруцкое было пріобрѣтено его нынѣшнимъ владѣльцемъ.

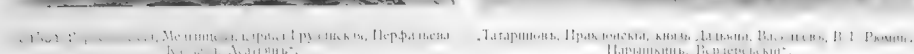

„[illegible], Меншиковъ, [illegible] Грузинскій, Перфильева [illegible]".

„Татариновъ, Праклонская, князь Дадьяни, [illegible], В. Г. Рюминъ, Нарышкинъ, Вердеревскій".

СИЛУЭТЫ.

Въ нѣкоторыхъ семьяхъ можно найти заботливо сбереженные силуэты давнихъ родственниковъ. Иногда они украшены затѣйливой, тоже сплошь черной, съ [illegible] просвѣтами, рамочкой, большей частью, ампирнаго стиля.

На бытовыхъ картинахъ, гдѣ дѣйствіе происходитъ въ старинныхъ обстановкахъ, тоже увидите на стѣнахъ силуэты въ рамочкахъ. Предо мною снимокъ съ прелестной и очень распространенной картины Scarbino, изображающей ссору двухъ влюбленныхъ. Подъ большимъ портретомъ господина съ припудренными волосами и молодой дамы въ фижмахъ висятъ силуэты дамы въ высокой прическѣ Маріи Антуанеттъ и господина въ парикѣ съ косичкой...

Воспроизведенные здѣсь силуэты изъ собранія Л. Н. Погожевой интересны тѣмъ, что они—групповые (встрѣчающіеся гораздо рѣже, чѣмъ одиночные) и, кромѣ того, что еще рѣже для силуэтныхъ портретовъ, воспроизводятъ бытовую обстановку того времени.

Эти силуэты исполнены въ 1834 году въ городѣ Рязани силуэтистомъ-любителемъ г. Хвощинскимъ и воспроизводятъ лицъ Рязанскаго общества.

Видный членъ этого общества, Николай Гавриловичъ Рюминъ, въ томъ году переселялся со всей семьей навсегда изъ Рязани въ Москву, и его рязанскіе знакомые на память о себѣ поднесли ему эти силуэты.

Они тѣмъ цѣннѣе, что всѣ, изображенныя на нихъ, лица переименованы.

Послѣдняя дощечка воспроизводитъ въ легкой дымкѣ умершихъ уже; но себя авторъ силуэтовъ не побоялся помѣстить вмѣстѣ съ ними.

Кромѣ лицъ и современныхъ костюмовъ, въ своеобразіи тогдашнихъ фраковъ, галстуховъ, цѣпочекъ, жилетовъ, дамскихъ чепцовъ, перьевъ и „эшпаровъ", вы увидите здѣсь два зеркала отъ пола, на одномъ канделябръ съ амуромъ, держащимъ вѣночекъ, около другого—стѣнной кенкетъ, стильныя кресла и столы, на стѣнахъ батальныя картины въ рамахъ, внушен-

„Ракитинъ, В. Н. Дубовицкая, Павленко, Григоріусъ, В. Д. Елагинъ".

„Исленьевъ, Гагина, Ал. Ан. Масловъ, Григоріусъ, Кропотова, Н. Дубовицкой"

„Вердеревскій, Дашковъ, Гошневъ, Допельмейеръ, Матвѣевъ, Денисьевъ“.

„Про[illegible]“.

ныя, конечно, „памятью двѣнадцатаго года“, красивыя бра. Съ потолка виситъ люстра. Братъ чествуемаго, В. Г. Рюминъ, сидитъ за „клавесиномъ“. Стоитъ клѣтка изъ крѣпкихъ прутьевъ съ попугаемъ. И при всей этой сценкѣ умолкнувшаго, угасшаго, заснувшаго быта присутствуютъ большіе бюсты какого-то, обвитого лавромъ, греческаго поэта и „Благословеннаго“ Александра, всматривающагося въ своего противника Наполеона...

Когда читаешь фамиліи этихъ лицъ, находишь подтвержденіе тому, какъ велики бывали въ тѣ времена дворянскіе кружки въ губернскихъ центрахъ. Большинство изъ поименованныхъ лицъ по фамиліямъ, которыя они носили, были бы приняты въ „свѣтѣ“ обѣихъ столицъ, а, между тѣмъ, они, чувствуется, прочно сидѣли въ Рязани или, по правописанію въ сохранившемся письмѣ одного изъ изображенныхъ здѣсь лицъ — „Резани“.

И такъ было во всѣхъ губернскихъ городахъ. Во всякомъ изъ нихъ по зимамъ бывалъ съѣздъ помѣщичьихъ семей, много веселились. Проѣздомъ въ одномъ губернскомъ гор[illegible] вать довольно помѣстительный [illegible] вѣка находящійся во владѣ[illegible] мнѣ семьи.

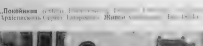
„Вотъ при барин[illegible] рожилка, бывшая крѣпостная [illegible] кареты въ обѣ стороны [illegible]

Семья Рюминыхъ связана [illegible] нитями, и городъ полонъ Р[illegible]

Помѣщающійся въ прекрас[illegible] някѣ, дворянскій пансіонъ, [illegible] городской домъ Рюминыхъ [illegible] рянству, а садъ при немъ [illegible] мужская, и женская гимназ[illegible] скихъ домахъ. Въ верстѣ [illegible] лежащая теперь городъ, пол[illegible] Роща“. Недавно сгорѣлъ там[illegible] начала 18-го вѣка, имѣвшій [illegible] стеклянную сквозную залу. [illegible] и царей „Рюмина Роща“ [illegible] ской (Всеволода Крестовскаго [illegible]

„Семеновъ, Вознесенскій, Абловъ, Мертенсъ, Рахманиновъ, Каппелевъ“.

„Покойник[illegible] Архіепископъ С[illegible] Живой [illegible]

Н. Г. Рюминъ († 1870 г.), какъ почетный попечитель гимназіи, замѣтилъ и вывелъ въ люди бѣднаго поповича Перевлѣсскаго, извѣстнаго столичнаго педагога, вдохновителя таланта поэтессы Ю. В. Жадовской. Перевлѣсскій никогда не забывалъ этого. Въ эпоху его удачъ въ Петербургѣ у него была отдѣльная въ квартирѣ комнатка; тамъ были собраны реликвіи его бѣдной юности, и висѣли портреты Рюмина и его жены.

[illegible] Москвѣ Рюмины въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій вели открытую жизнь, давая всякій четвергъ [illegible] въ великолѣпномъ домѣ на Воздвиженкѣ, перешедшемъ послѣдовательно къ Карзинкину, Кристи [illegible]ну.

Лѣтами они живали въ прекрасной подмосковной Жучкино (теперь Рябушинскаго).

Старуха Рюмина († 1873 г.), рожденная Кандалинцева, была женщина съ большимъ характеромъ. При генералъ-губернаторствѣ всесильнаго графа Закревскаго, жена котораго имѣла легкомысленную репутацію, только двѣ дамы до конца воздержались отъ знакомства съ нею—княгиня Львова (рожденная кн. Долгорукова, сестра князей Василія и Владиміра Андреевичей, военнаго министра и московскаго генералъ-губернатора) и Е. Ѳ. Рюмина...

Рюмины имѣли сына Ѳедора Н., женатаго на княгинѣ О. С. Голицыной (дочь ген.-адъютанта князя Сергѣя Павловича и Любови Петровны, рожд. к-ни Апраксиной), и дочерей: графиню Буксгевденъ, Полтарацкую, Вельяшеву, Муханову и, не вышедшую замужъ, Вѣру Николаевну.

Въ Петербургѣ въ своемъ домѣ на Дворцовой наб. (послѣднее время Небольсина, купленъ Новымъ Клубомъ) жила вдова другого брата, Ив. Гавр., рожденная Бороздина, мать Е. И. Шулепниковой, княгини Н. И. Мещерской и памятнаго „свѣту" и театраламъ Н. И. Рюмина. Одинъ изъ Рюминыхъ, женатый на к-нѣ Шаховской, жилъ всегда въ Лозаннѣ, и его бездѣтный сынъ, Gabriel Rumine, завѣщалъ городу Лозаннѣ нѣсколько милліоновъ на университетъ. Въ Лозаннѣ есть улица „Avenue Rumine".

Родъ Рязанскихъ-Рюминыхъ весь вымеръ въ мужскихъ представителяхъ.

Е. Погожевъ

НАШИ ТАЛАНТЫ

Александръ Глазуновъ.

(Шаржъ В. Н. Денисова).

„Въ лѣтнемъ саду“. Заставка М. Бобышова

БѢЛОЙ НОЧЬЮ.

Ровно въ полночь, изъ тумана
Опустился Бѣлый Лебедь
И прикрылъ уснувшій городъ
Бѣлымъ ласковымъ крыломъ...

1.

Дайте руку и пойдемте
Побродить прозрачной ночью
По звенящимъ тротуарамъ...
Дайте-жъ руку и пойдемъ!
Это, если вы—мужчина,
Если-жъ—женщина, и—сердце,
Да, и сердце дайте тоже,
Потому что вѣдь весна!
Не хотите? Какъ хотите!..
Что-жъ, сидите дома вмѣстѣ
И съ рукой своей, и съ сердцемъ,
Ну, а я—пойду одинъ...

2.

Ахъ, весенней бѣлой ночью
Всѣ какіе-то другіе:
Всѣ Анюты—Донны-Анны,
Всякъ Иванъ же—Донъ-Жуанъ!
Вдоль по набережной всюду—
Пары, пары, пары, пары...
И за каждою спиною
Улыбается Эротъ!..
Какъ сіамскіе уродцы,
Всѣ гуляютъ здѣсь по парамъ,
Даже каменные сфинксы,
Понимаете, вдвоемъ!..

3.

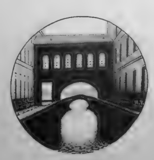
Тише, тише!.. Тсс! ни звука!..
И, на цыпочкахъ подкравшись,
Обнялъ сонную столицу
Бѣлый ласковый туманъ...
У Невы, спиной къ Сенату,
Кто-то въ черной альмавивѣ
Смотритъ вдаль, рукой небрежно
На гранитъ облокотясь...
Гдѣ я видѣлъ этотъ профиль?..
Александръ Сергѣичъ, вы ли,
Вы ли это?! Боже, правый!..
Мигъ, и—нѣту никого!..

4.

О, сударыня, простите,
Кринолинъ теперь [illegible]
И давно не носятъ [illegible]
Дамы бѣлыхъ [illegible]
И, къ тому же, ваши [illegible]
Слишкомъ блѣдны. [illegible]
Вы, какъ будто, [illegible]
Но, позвольте, [illegible]
Мѣрно пробили куранты.
Чу, разсвѣтъ!.. И, [illegible]
Ухмыляясь на [illegible]
Краснорожій наглый [illegible]

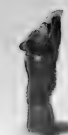
5.

Эй, за хлѣбомъ, на [illegible]
И, стрѣ[illegible]
Взвился въ небо [illegible]
Съ окровавленн[illegible]

„Зимняя канавка“.
Концовка П. Троянскаго.

НАШИ ЛЮБИМЦЫ.

Медвѣженокъ
В. А. Мещеринова.

Онъ-же

Бѣлый шпицъ „Тоби“, котъ „Рыжикъ“
и буль „Бисмаркъ“;
принадл. А. и З. Гольтгоеръ.

Англійскіе бульдоги „Кингъ Морицовичъ Нигеръ“ и „Клоунъ Морицовичъ Нигеръ“ со своимъ пріятелемъ пуделемъ. Принадл. В. И. и Н. И. Соколовскимъ.

3-мѣсячный ручной медвѣженокъ подпор. Преображ. полка
В. А. Мещеринова.
Мать медвѣженка была убита на охотѣ въ Олонецкой губ.

Сеттеръ свѣтл. князя Горчакова.

Черный пудель, принадл. В. Ридигеръ.

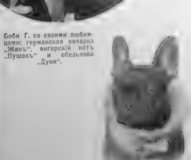

Борзой „Дэнди“ и его прiятель двухмѣсячный бульдогъ „Леда“. Принадлежатъ Н. Дюбрейль-Эшаппаръ

Боби Г. со своими любимцами: германская овчарка „Жакъ“, ангорскiй котъ „Пушокъ“ и обезьянка „Дуня“.

Козелъ „Коза“, принадл. Ек. Дм. Бухариной.

Французскiй буль „Молли“ В. И. и Н. И. Соколовскихъ.

ОХОТА ВЪ УГАНДѢ.

I.

Слово „сафари" арабскаго происхожденія. Оно распространено по всему восточному побережью африканскаго материка, начиная отъ Сомалиленда и кончая Мозамбикомъ. Практическіе англичане, языкъ которыхъ не любитъ длиннотъ, первые изъ всѣхъ европейскихъ народовъ воспользовались этимъ словомъ для того, чтобы обозначить наиболѣе кратко такого рода дѣйствіе, на объясненіе котораго требуется въ европейской рѣчи болѣе или менѣе длинная фраза. Изъ Англіи это слово перешло нынѣ въ спортивный лексиконъ другихъ народовъ, подобно слову „picnic", затѣмъ „garden-party" и за самое послѣднее время „camping", т. е. иными словами такого рода экскурсія, во время которой люди спятъ въ палаткахъ.

Африканскій буйволъ, въ тревогѣ обнюхивающій воздухъ.

„Я ѣду въ Африку для того, чтобы охотиться на крупнаго звѣря", такая фраза покажется англичанину слишкомъ длинной и тяжелой. А потому онъ скажетъ просто: „я ѣду въ Сафари", „I am going on Safari"...

Центральная Африка—идеальная страна для охоты на big game,—большихъ звѣрей. Она отстоитъ въ близкомъ сравнительно разстояніи отъ Европы и сохранила еще до сихъ поръ богатую фауну. Благодаря этимъ двумъ обстоятельствамъ, число спортсмэновъ-охотниковъ, отправляющихся туда, растетъ съ каждымъ годомъ.

Центральная Африка можетъ быть раздѣлена на три охотничьи зоны. Каждая изъ нихъ имѣетъ свою собственную фауну и флору. Эти зоны называются: Сомалійскій берегъ, Абиссинія и Британская Восточная Африка, вмѣстѣ съ Угандой и съ южной и юго-восточной частью англо-египетскаго Судана (провинція Баръ-эль-Газаль). Эта послѣдняя зона самая богатая и интересная и ее всего больше посѣщаютъ европейскіе охотники.

Британская восточная Африка, равна какъ и колонія Уганда, открыты для европейцевъ сравнительно недавно и столь же недавно царствуетъ тамъ порядокъ и безопасность. Чтобы составить себѣ понятіе о той дикости, которая существовала въ этой части африканскаго материка 30—40 лѣтъ тому назадъ, стоитъ лишь прочитать путевыя записки первыхъ путешественниковъ. Существовавшая тогда торговля невольниками сопровождалась постоянными войнами и мятежами. Когда Спикъ и Грантъ отправились изъ Занзибара разыскивать источники Бѣлаго Нила, ихъ сопровождалъ цѣлый военный отрядъ и, тѣмъ не менѣе, почти на каждомъ привалѣ имъ приходилось вступать въ безконечные переговоры, а часто и въ открытую борьбу съ разными негрскими князьками и крупными негроторговцами.

По-пріѣздѣ въ Мэмбассу (Уганда) спортсмэнъ первымъ дѣломъ спѣшитъ запастись охотничьимъ перми (sportsmans или schooting licence, безъ котораго ни шагу нельзя сдѣлать. Это перми выдается крайне быстро и легко въ Direction of Woods and Forests и стоитъ 50 фунт. стерл., т. е. приблизительно 440 рублей. Оно даетъ право убить или поймать двухъ слоновъ (клыки ихъ, однако, не должны вѣсить болѣе 30 килограммъ), одного буйвола, двухъ гиппопотамовъ, зебровъ и носороговъ, нѣсколько антилопъ, газелей, ибисовъ, фламинговъ и разнаго рода другихъ пернатыхъ въ строго опредѣленномъ количествѣ. Уплативъ добавочную таксу въ 16 фунт. стерл., 3 шил. и 4 пен. (приблизительно 180 рублей), можно убить еще одного слона-самца. На крокодиловъ, львовъ, леопардовъ и на... комаровъ можно охотиться безъ всякаго перми, какъ объяснялъ мнѣ въ Момбассѣ одинъ англійскій чиновникъ.

Пытаться охотиться безъ перми совершенно напрасно. Во-первыхъ, безъ перми крайне трудно бываетъ составить караванъ, а, во-вторыхъ, такого охотника сейчасъ же накроютъ, если не на мѣстѣ, то по возвращеніи его на станцію и ему придется уплатить крупный штрафъ, нѣсколько разъ превышающій всѣ перми и таксы. Конечно, не слѣдуетъ предполагать, что стоитъ лишь выйти изъ вагона на любой станціи, чтобы сейчасъ же напасть на слѣдъ матераго слона или встрѣтиться съ глазу на глазъ съ рычащимъ львомъ. Такія чудеса происходили, но давно; въ настоящее время приходится устраивать облавы и искать звѣря, но можно, конечно, еще и теперь „нарваться" на одинокаго слона, на засѣвшаго въ кустахъ леопарда или на заснувшаго носорога. Но подобныя неожиданныя встрѣчи не могутъ быть изъяты изъ программы охотничьей экспедиціи. Къ тому же онѣ подхлестываютъ нервы и служатъ мѣриломъ хладнокровія охотника, иначе охота на слоновъ и львовъ лишена была бы главной своей прелести и мало чѣмъ отличалась бы отъ охоты на сѣрыхъ куропатокъ. А потому тѣмъ, которые не любятъ эмоцій и сильныхъ ощущеній, совершенно излишне ѣхать въ восточную Африку.

II.

Оборудовать охотничью экспедицію поручаютъ обыкновенно одному изъ агентствъ, спеціально этимъ занимающемуся. Въ Момбассѣ и въ Нейроби ихъ нѣсколько, они являются также транспортными, пассажирскими и банковыми конторами. Эти агентства доставляютъ весь необходимый матеріалъ для поѣздки въ „сафари"—прислугу, лошадей, вьючныхъ животныхъ, всевозможнаго рода съѣстные припасы и снаряды. Палатки, походныя кухни, посуда, лагерная мебель и проч. берутся на прокатъ. Въ складахъ этихъ агентствъ можно найти какія угодно вина, спиртные и минеральные напитки, консервы, сигары, папиросы и т. п. Прислуга вербуется, обыкновенно, среди арабовъ и негровъ, и за ихъ честность и радѣніе отвѣчаетъ агентство.

Чета носороговъ въ полуденный отдыхъ около озера Нейваха.

Персоналъ состоитъ прежде всего изъ опытнаго „Headman'a", т. е. управителя и главы каравана. На его обязанности лежитъ устройство лагерной жизни, выборъ стоянокъ и надсмотръ надъ остальнымъ служебнымъ штатомъ. Онъ служитъ также проводникомъ-толмачомъ и долженъ знать, гдѣ лучшія для охоты мѣста. (На островѣ Цейлонѣ и въ англо-египетскомъ Суданѣ, гдѣ охота сопряжена съ большими трудностями, этимъ дѣломъ за-

На стражѣ! Самецъ слонъ, готовящійся отразить нападеніе.

нимается спеціальное лицо, такъ называемый „шикари"). Послѣ управителя, первое мѣсто принадлежитъ повару. Поварами, большею частью, бываютъ индусы. Но въ Момбассѣ можно найти и европейскаго повара; у меня былъ итальянецъ. Конечно, онъ мнѣ стоилъ дорого, но зато мой желудокъ не протестовалъ, и у меня былъ хорошій и разнообразный столъ. Въ „сафари" можно ѣсть всевозможнаго рода дичь, рыбу, овощи и фрукты, можно очень часто варьировать меню, но для этого надо имѣть человѣка, который умѣлъ бы готовить. А подобнаго человѣка невозможно найти среди туземцевъ и очень трудно между арабами.

Лакеями (personal servants) по одному на каждаго охотника назначаются также индусы или свахили, люди достаточно опрятные и не особенно лѣнивые. Но, конечно, они не могутъ сравняться съ нубійцами Египта, хотя стоятъ гораздо выше лакеевъ-негровъ.

Африканскій негръ, большею частью,—существо лживое, грязное и тупое. Онъ воруетъ спички, но выклянчиваетъ у васъ папиросу, посуду моетъ слюной и вытираетъ ее грязной ладонью руки, ножи чиститъ такъ старательно, что всѣ ихъ ломаетъ, въ кастрюли кладетъ сало, предназначенное для смазки сапогъ, а сапоги чиститъ прованскимъ масломъ, и т. п.

Кромѣ всего этого люда, существуетъ еще охрана, конюхи и носильщики. Они оберегаютъ по ночамъ лагерь и служатъ также почтальонами; ихъ посылаютъ за письмами и за припасами на ближайшую станцію или въ деревню.

По окончаніи таможенныхъ формальностей и полученіи охотничьяго перми, спортсмэнъ беретъ билетъ и ѣдетъ по Угандской желѣзной дорогѣ. Въ эту минуту возникаетъ капитальный вопросъ: на какой станціи прежде всего остановиться. Обыкновенно глава экспедиціи указываетъ наиболѣе подходящія мѣста для охоты. Но опытный путешественникъ не довольствуется этими указаніями, а покупаетъ при отъѣздѣ изъ Момбассы подробную и большую карту восточной Африки и Уганды, на которой обозначены мѣста для охоты и сортъ, и количество встрѣчающейся тамъ дичи.

Разверните любую изъ подобныхъ картъ и по бокамъ длинной и тонкой линіи, изображающей полотно Угандской желѣзной дороги, вы можете прочесть названія разныхъ животныхъ, напечатанныя крупнымъ шрифтомъ. Вотъ тутъ, между станціей Нейваши и озеромъ того же имени, вы прочтете: „Hippo", а подальше: „Much game", т. е. много дичи или большая охота. Еще дальше напечатано: „Кіно", носороги и т. п. Вы замѣтите также, что между Момбассой и Нейроби не существуетъ особыхъ помѣтокъ, а только дважды встрѣчается краткое выраженіе: „Much game". Это объясняется тѣмъ, что самыя разнообразныя и богатыя мѣста для охоты лежатъ за Нейроби, по дорогѣ въ Уганду. Вотъ почему большинство охотниковъ предпочитаютъ нанять караванъ въ Нейроби, а не въ Момбассѣ.

На юго-востокѣ отъ Нейроби, между полотномъ желѣзной дороги и сѣверной границей нѣмецкой колоніи восточной Африки, существуетъ громадный треугольникъ, окаймленный красной линіей. Это—южный охотничій „заказъ" (Southern game reserve). Такого же рода заповѣдное мѣсто находится на сѣверѣ колоніи. Въ обоихъ этихъ мѣстахъ строго-на-строго запрещено охотиться; тамъ животныя живутъ и размножаются въ безопасности и въ уединеніи... до поры, до времени.

Но ѣдемъ въ Нейроби.

Дорога узкоколейная, но вагоны перваго и даже второго класса помѣстительные и очень чистые. Они почти всѣ освѣщены электричествомъ и имѣютъ четыре пары осей. Третій классъ предназначенъ для туземцевъ, второй для мелкихъ служащихъ и прислуги европейцевъ. Всѣ станціи имѣютъ прекрасныя конторы. Буфеты-гостиницы, такъ называемые „dak-bungalows", существуютъ только на главныхъ станціяхъ. Желѣзнодорожные буфеты сервируютъ завтраки и обѣды, но не продаютъ ни вина, ни другихъ спиртныхъ напитковъ. Станціонныя гостиницы состоятъ изъ нѣсколькихъ очень опрятныхъ комнатъ съ желѣзными кроватями, умывальниками и пр. За первую ночь съ путешественника платы не взимается.

По выходѣ изъ Момбассы поѣздъ переѣзжаетъ длинный и очень высокій мостъ, называющійся Макупа или Salisbury bridge. Этотъ мостъ соединяетъ островъ, на которомъ выстроенъ городъ Момбасса, съ континентомъ. Почти сейчасъ же за мостомъ дорога начинаетъ подниматься все выше и выше. Въ 16 миляхъ отъ Момбассы она достигаетъ уже 200 метровъ вышины, и вскорѣ же богатая береговая растительность и стройныя кокосовыя пальмы остаются позади и уступаютъ мѣсто сначала жидкому подлѣску, а затѣмъ безконечной бурой степи. Только у станціи Вои (103 мили) пейзажъ видоизмѣняется и принимаетъ болѣе живописный отпечатокъ.

На одной изъ промежуточныхъ станцій между Вои и Макинаду произошелъ нѣсколько лѣтъ назадъ, когда только что строилась Угандская желѣзная дорога, слѣдующій трагическій случай. Въ тѣ годы въ окрестностяхъ было много львовъ. Они подходили къ самому полотну дороги, и по ночамъ со станціи можно было отчетливо слышать ихъ ревъ. Трое молодыхъ англичанъ, довольно неопытныхъ охотниковъ, рѣшили устроить на нихъ ночную засаду. Для этого они перевели пустой вагонъ на запасный путь и размѣстились въ немъ на ночь. Было рѣшено, что каждый по очереди будетъ бодрствовать и дастъ сигналъ при первой же опасности. Одинъ изъ охотниковъ помѣстился съ ружьемъ наготовѣ на платформѣ вагона, а остальные легли на скамейки внутри. Но какъ разъ въ эту ночь львы не рычали, и, вѣроятно, караулившій ихъ охотникъ подъ конецъ заснулъ. Вдругъ съ платформы раздался отчаянный крикъ. Проснувшіеся товарищи бросились на платформу, но она была пуста. Неосторожный охотникъ былъ унесенъ голоднымъ львомъ...

Утромъ было найдено въ кустахъ, невдалекѣ отъ вагона, растерзанное и наполовину съѣденное тѣло.

Старый левъ въ засадѣ, удачно снятый теле-объективомъ фотографа.

Слѣдуетъ замѣтить, что львы никогда не входятъ въ дома или подъ палатки. Но уже въ двухъ шагахъ отъ двери, если только вокругъ жилья или лагеря не горятъ костры и не сидятъ часовые, вы находитесь въ опасности.

Говорятъ, что львы не ѣдятъ человѣческаго мяса и нападаютъ на людей только для самозащиты. Это не совсѣмъ вѣрно. Конечно, пресловутый царь животныхъ предпочитаетъ другую пищу, напримѣръ: мясо газели, антилопы и т. п. Но, когда онъ голоденъ, когда онъ не нашелъ ничего лучшаго, или еще когда старость и болѣзнь мѣшаютъ ему успѣшно охотиться, онъ не брезгаетъ и человѣческимъ мясомъ.

III.

Со станціи Макинду поѣздъ уже бѣжитъ на высотѣ 3.280 футовъ надъ уровнемъ моря. Растительность тутъ далеко не тропическая, хотя мѣстность эта находится почти подъ экваторомъ. По ночамъ бываетъ довольно свѣжо, а потому приходится надѣвать теплую одежду и прикрываться ночью толстыми одѣялами. Вокругъ Макинду охотятся на ланей, газелей, на зебровъ, а иногда можно встрѣтить и носорога. Охота на носорога требуетъ большой хитрости и терпѣнія. Не надо никогда становиться подъ вѣтеръ, такъ какъ носорогъ обладаетъ удивительнымъ чутьемъ и вслѣдствіе своей близорукости крайне остороженъ. Приближеніе его сопровождается шумомъ, похожимъ на пыхтѣніе паровоза. Въ свою очередь, онъ узнаетъ о надвигающейся опасности, благодаря крику и разлету птицъ, сидящихъ на его спинѣ и выклевывающихъ изъ складокъ его кожи червяковъ и личинки. Носорога стрѣляютъ, какъ слона, между ухомъ и глазомъ. Раненый носорогъ бываетъ очень опасенъ, онъ можетъ преслѣдовать охотника въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Въ первый годъ по постройкѣ Угандской желѣзной дороги одинъ изъ такихъ громадныхъ носороговъ, по свойственной ему привычкѣ нападать на все, что кажется ему подозрительнымъ, ринулся на проходящій поѣздъ, выломалъ стѣнку товарнаго вагона, застрялъ между буферами и, порядкомъ набезобразивши, былъ подъ конецъ убитъ...

Станція Нейроби расположена у входа въ идеальную для охоты мѣстность. Вдоль по теченію рѣки Атхи, на озерахъ Накуро и Нейваха, можно найти, кромѣ всевозможныхъ породъ водяныхъ птицъ (между прочимъ, ибисовъ, пеликановъ и розовыхъ фламинго), громадное количество гиппопотамовъ. Вокругъ озера Эльментейна и вообще по всей лѣсной части Rife Valley встрѣчаются еще до сихъ поръ стада слоновъ. Тамъ же пасутся послѣдніе дикіе буйволы. Другія мѣста изобилуютъ жирафами, ланями, зебрами и т. п. мирными животными, а по сосѣдству съ ними живутъ обыкновенно львы и леопарды.

Охота на слоновъ сопряжена съ нѣкоторыми трудностями. Чтобы уложить сразу крупнаго слона, надо, кромѣ хорошаго ружья, обладать еще и большимъ запасомъ хладнокровія. Дабы убить его наповалъ, нужно попасть въ сердце или въ мозгъ. Когда слонъ стоитъ бокомъ, охотникъ цѣлится въ голову, въ промежутокъ между глазомъ и внѣшнимъ краемъ уха. Этотъ промежутокъ не шире десяти сантиметровъ. Цѣлиться въ голову, когда слонъ повернулся фронтомъ, совершенно безполезно, никакая пуля не прошибетъ лобную кость, а потому стрѣляютъ такъ, чтобы пуля попала въ сердце.

Почти всегда раненый слонъ бросается на охотника, а потому второй выстрѣлъ долженъ быть рѣшающимъ, иначе слонъ легко убьетъ охотника.

Впрочемъ, не слѣдуетъ предполагать, что найти слона дѣло легкое. Слоны прячутся и избѣгаютъ охотниковъ. Я за цѣлый мѣсяцъ пребыванія въ Угандѣ встрѣтилъ не болѣе пяти—шести. Къ тому же въ центральной Африкѣ ихъ уже не особенно много: до самого послѣдняго времени убивали ежегодно больше двѣнадцати тысячъ штукъ. Это—колоссальная цифра, если вспомнить, что самка рождаетъ разъ въ два года и что слонъ становится взрослымъ лишь въ 15 или даже въ 20 лѣтъ. Поэтому, неудивительно, что находятся люди, пророчущіе близкое исчезновеніе слоновъ.

Африканскій буйволъ—своего рода рѣдкость. Онъ огромной величины и обладаетъ страшной силой. Охота на него сопряжена еще съ большими трудностями и съ еще большей опасностью, чѣмъ охота на слоновъ. Буйволъ бываетъ особенно опасенъ, когда прячется въ высокой травѣ или въ кустахъ, не издавая ни малѣйшаго звука и ничѣмъ не извѣщая о своемъ присутствіи. Онъ бросается на охотника, когда тотъ находится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

Въ открытомъ полѣ буйволъ менѣе опасенъ, такъ какъ принужденъ бросаться издали и охотникъ имѣетъ время прицѣлиться. Но и тогда опытные спортсмэны предпочитаютъ подпустить его поближе къ себѣ, чтобы уложить навѣрняка. А это можно сдѣлать только тогда, когда буйволъ нагибаетъ голову, съ цѣлью забодать охотника; это онъ дѣлаетъ въ нѣсколькихъ саженяхъ...

Туземцы острововъ озера Викторія-Ніанца.

IV.

Года 4—5 назадъ въ мѣстности, называемой Жю-Жа-Камити въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Нейроби, былъ открытъ обширный, охотничій клубъ, устроенный на манеръ самыхъ шикарныхъ лондонскихъ клубовъ. Клубъ освѣщенъ электричествомъ и, кромѣ всякихъ удобствъ, какъ-то: читальни, ванныхъ комнатъ, ресторана, билліардныхъ залъ, комнатъ для жилья, салоновъ и т. п., имѣетъ еще конюшни, оружейныя мастерскія, погреба для храненія шкуръ и трофеевъ, образцовую ферму и, наконецъ, что всего важнѣе для охотниковъ, свои собственные охотничьи загоны и выводы.

Этотъ образцовый въ своемъ родѣ клубъ имѣетъ пока ограниченное число членовъ, преимущественно англичанъ. Основатели-учредители его внесли каждый въ видѣ основного капитала по 200 фунт. стерл. Это даетъ имъ право пользоваться безплатно и пожизненно всѣми удобствами.

Николай Брянчаниновъ.

Офицеры-участники международныхъ состязаній „Concours hippique" въ Лондонѣ.
Среди нихъ (слѣва направо) наши офицеры побѣдители: шт.-ротм. П. Родзянко, ротм. Плѣшковъ, ротм. Бертренъ и шт.-ротм. фонъ-Эксе.
Нижн. рисунокъ представляетъ видъ манежа „Олимпія" во время состязаній.

„CONCOURS HIPPIQUE" ВЪ ЛОНДОНѢ.

Въ этомъ году лондонскія состязанія вновь закончились блестящей побѣдой русскихъ офицеровъ, которые выиграли „кубокъ короля Эдуарда". Въ розыгрышѣ этого приза имѣютъ право участвовать только по 3 офицера отъ каждой націи. Нація, выигравшая этотъ почетный призъ три раза, получаетъ кубокъ въ полную собственность.

Шт.-ротм фонъ-Эксе, Плѣшковъ и Родзянко, взявъ этотъ кубокъ въ 3-й разъ, одержали окончательную побѣду и увезли кубокъ въ Россію.

Въ розыгрышѣ кубка участвовали 4 націи: Россія, Франція, Англія и Бельгія.

Обыкновенно международный „Concours hippique" происходитъ въ колоссальномъ манежѣ „Олимпія". Убранство и красота этого помѣщенія значительно превосходятъ нашъ Михайловскій манежъ. Декораціи мѣняются каждый годъ, причемъ тратится громадныя суммы.

Въ этомъ году „Олимпія" была декорирована въ видѣ стараго англійскаго замка въ готическомъ стилѣ.

Ружейная охота Офицерской Кавалерійской Школы въ Поставахъ. Завтракъ въ лѣсу во время перерыва между облавами.

Редакторъ-издатель **Вл. Крымовъ.**